

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АРХИВ
СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ**

Санкт-Петербург
2018

УДК 21.161.1-4
ББК 84.3(2Рос=Рус)1
Л64

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, не подлежит продаже
Издательский проект № 18-112-00025*

Ответственный редактор и составитель

Н. А. Прозорова

Редакционная коллегия:

Т. М. Вахитова, д-р филол. наук, *А. М. Грачева*, д-р филол. наук,
Н. А. Прозорова, канд. филол. наук, *Т. С. Царькова*, д-р филол. наук

Рецензенты:

В. Н. Быстров, д-р филол. наук, *Г. В. Петрова*, д-р филол. наук

Л64 Литературный архив советской эпохи : сб. ст. и публ. / [отв. ред.-сост. Н. А. Прозорова]. — СПб. : ООО «Издательство "Росток"», 2018. — 656 с., 16 с. [вкл.]

ISBN 978-5-94668-246-6

Сборник «Литературный архив советской эпохи» составлен на базе новых архивных материалов из отечественных и зарубежных архивов, а также из частных собраний.

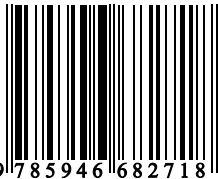
В статьях, написанных с привлечением архивных источников, рассмотрены отношения А. М. Ремизова с советскими писателями, проблемы эдиции мемуаров Н. П. Анциферова, мотивно-образная система дневникового творчества Б. Шергина. В сборник вошли обзор критики романа М. А. Шолохова «Поднятая целина» в 1930-е гг. и исследование повести А. Яшина «Баба Яга» в контексте мифопоэтических моделей.

В издании впервые публикуются неизвестные художественные и документально-мемуарные тексты: материалы к истории изд-ва «Всемирная литература» (произведения В. А. Зоргенфрея, М. Н. Рыжкиной, А. И. Оношквич-Яцыны); письма С. Н. Сергеева-Ценского и Н. Н. Никитина к А. М. Ремизову (1920-е); стихотворения В. В. Смиренского и его переписка с Л. И. Аверьяновой (1925–1929, 1935); письма М. М. Зощенко к И. Г. Лежневу (1936–1938); отрывки из дневников Е. А. Вечтомовой (1939–1940), К. Д. Муратовой (1927–1928); Т. Г. Гнедич (1963); переписка В. А. Рождественского и Н. А. Бринкман (1965–1970); письмо А. А. Туринцева к О. Ф. Берггольц (1968); автобиографии гуманитариев из архива П. К. Симони (1928–1929).

Издание иллюстрировано и адресовано филологам, специалистам гуманитарного профиля, аспирантам и студентам, а также всем, кто интересуется историей русской литературы советского периода.

ISBN 978-5-94668-246-6

ISBN 978-5-94668-271-8 (т. 1)

9 785946 682718

© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, Литературный архив советской эпохи, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© ООО «Издательство "Росток"», 2018

**«РОССИЯ В ПИСЬМЕНАХ»:
советская корреспонденция
в эмигрантском архиве А. М. Ремизова¹**

Аннотация: Статья посвящена биографии А. М. Ремизова первых лет эмиграции (1921–1923), его взаимоотношениям с советскими писателями, издателями и критиками. Содержание писем из России служило Ремизову источником представлений о жизни и творческих перспективах писателя в советском государстве. Высказывания и деятельность корреспондентов Ремизова, запечатленные в письмах, оказали существенное влияние на его личное решение остаться в эмиграции. *Ключевые слова:* архивные артефакты, авторская систематизация личного архива, биография, эмиграция, «русский Берлин», диаспора, метрополия, советские издательства, идеология, литературные авторитеты, связь литературных поколений.

Abstract: The article concerns two first years of the emigration period (1921–1923) in Remizov's biography and in particular his relationship with Soviet writers, publishers and critics. From the contents of these letters Remizov tried to get an idea about what's going on in Russia and about his own prospects as a writer in Soviet state. Remizov's decision not to return to Russia was influenced by the impression from these letters and their authors.

Key words: archival artifacts, the author's self-systematization of personal archive, biography, emigration, «Russian Berlin», expatriate community, mother country, the Soviet publishing houses, ideology, reputable people in literature, communication between generations of writers.

Два года, проведенные Ремизовым в Германии (с 21 сентября 1921 г. до переезда в Париж 5 ноября 1923 г.), прошли в интенсивной переписке с литераторами, издателями, учеными, друзьями, оставшимися в России. За этот краткий срок писатель приобрел и новые знакомства с посещавшими Берлин представителями творческой интеллигенции Москвы и Петрограда. Так образовался корпус эпистолярных документов, которые впоследствии, занимаясь систематизацией личного архива, писатель объединил в конвюлт с названием «Русские письма»².

¹ Статья является частью биографического очерка, посвященного жизни и творчеству А. М. Ремизова в 1921–1922 гг., работа над которым поддержана РФФИ (проект № 15-04-00129).

² Amherst College Center for Russian Culture, USA (Центр русской культуры Амхерст-колледжа (США)). Далее: Amherst, с указанием архивного шифра. Автор статьи выражает искреннюю благодарность проф. Стенли Рабиновичу за предоставленную возможность работать с фондом Ремизовых.

Название, выведенное Ремизовым на обложке альбома, само по себе не содержало национальной валентности, означая, например, что другие эпистолярные документы, отложившиеся в архиве писателя, принадлежат только иностранцам или соотечественникам из русского зарубежья. Конвюлот «Русские письма» представляет собой обособленную коллекцию корреспонденции из России 1922–1928 гг., отобранной Ремизовым по особым критериям. В этой системе ценностей «русскость» понималась в самом широком спектре значений этого предиката — от принадлежности к России по очевидным признакам до метафизических свойств национальной ментальности, нередко называемой писателем в его очерках и печатных выступлениях первых лет эмиграции «русской стихией»³. Авторская рефлексия, выраженная в самой подборке писем, а также в оформлении отдельных именных корреспонденций газетными вырезками и фотопортретами, позволяет нам рассматривать этот артефакт как эскизный материал будущего произведения биографического характера. По сути, Ремизов собрал новый том советской «России в письменах», повествующий о его взаимоотношениях с литературным миром новой России, развитие которых оказало решающее влияние на состоявшийся в 1923 г. выбор писателя между жизнью в диаспоре или метрополии.

Даже продолжив эмигрантскую «одиссею» в Париже, Ремизов, очевидно, проецировал свою биографию и литературную судьбу на реалии советского континуума. Не случайно, на первой странице альбома «Русские письма» он поместил вырезку из повременного советского издания: коллективный портрет московского отделения Всероссийского союза писателей с фамилиями членов нового правления, избранного 1 февраля 1925 г. В 1920 г. Ремизов так же, как и другие писатели, начавшие свой творческий путь еще до Первой русской революции, подчиняясь законам нового времени и элементарному чувству самосохранения, был вынужден вступить в профессиональный Всероссийский союз писателей⁴. Так что теоретически, вернувшись в Россию в 1923 г., и он мог бы быть причастен к этому литературному олимпу Советов. Трое из запечатленных на фотографии стали «героями» его альбома как авторы собранных в нем писем: А. Воронский, В. Лидин, Б. Пильняк.

Имена почтовых отправителей из ремизовской коллекции, получившей название «Русские письма», имели прямое отношение к русской литературе нового времени. Это исследователи, литераторы, критики, знатоки русской книжности, издатели и, наконец, непосредственные представители новой власти: П. М. Устимович⁵, А. И. Рыков, А. К. Воронский, Н. И. Закатимов, Ф. В. Глад-

³ Ср. также использование этого концепта в статье Б. П. Вышеславцева «Русская стихия у Достоевского», выпущенной отдельным изданием (Берлин: Обелиск, 1923).

⁴ Заявление Ремизова в Правление Петроградского отделения Всероссийского союза писателей от 24 августа 1920 г. сохранилось в архиве Союза (РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. № 42. Л. 38).

⁵ Письма П. М. Устимовича опубл. в рамках статьи: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Пушкинский Дом: (статья первая): судьба ремизовского «Музея игрушек» // Русская литература. 1997. № 1. С. 185–215.

ков, Н. М. Кузьмин, И. Е. Ерошин, К. А. Федин, И. Г. Эренбург, Сергеев-Ценский, Б. А. Пильняк⁶, А. А. Смирнов, А. Я. Аросев, В. Г. Лидин, Е. Ф. Книпович, М. М. Шкапская⁷, И. Г. Лежнев, М. В. Алпатов, Н. Н. Никитин, С. А. Адрианов, А. А. Демидов, О. Д. Форш, В. В. Вересаев⁸, А. П. Пинкевич, С. М. Алянский, Дм. А. Щеглов, Я. П. Гребенщиков.

Обратим внимание на тот факт, что среди поименованных корреспондентов в альбоме почти нет близких писателю людей из «прошлого», связанных с ним историей отношений, начавшихся в дореволюционной России⁹. Например, Ремизов не включил в альбом значительный корпус писем Вяч. Шишкова¹⁰ и Е. Замятина¹¹, с которыми он возобновил эпистолярный контакт, оказавшись в Берлине. Соответственно, содержание писем, собранных писателем в конволюте «Русские письма», являлось для него источником специального изучения литературной жизни в новой России 1920-х гг., эволюции отдельных литераторов, в частности, его воспитанников Б. Пильняка, Н. Никитина, а также судеб неко-

⁶ Опубл.: Учитель или подмастерье? Семь писем Бориса Пильняка Алексею Ремизову / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Д. Кассек // Новое литературное обозрение. 2003. № 3 (61). С. 247–272; *Пильняк Б. А. Письма: в 2 т. / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. М., 2010 (по именному указателю).*

⁷ Письма М. М. Шкапской опубл. в тексте статьи: *Грачева А. М. Алексей Ремизов и Пушкинский Дом: (статья первая): судьба ремизовского «Музея игрушек».* С. 199–215.

⁸ Открытое письмо, подписанное В. В. Вересаевым, единственное из всей корреспонденции альбома «Русские письма» датировано 13 января 1934 г. и содержит машинописное уведомление о получении книги Ремизова «*Toungueniev, poète du rêve*» (Paris: Hippocrate, 1933; trad. H. Pernot-Feldmann).

⁹ За исключением О. Форш, знакомство с которой состоялось в начале 1910-х гг. Однако в альбоме ей принадлежит лишь краткая записка, сообщающая о ее прибытии в Париж в 1927 г.

¹⁰ Опубл.: «В России, как встретимся, будем вспоминать»: I. Переписка А. М. Ремизова с С. Я. Осиповым (1913–1923); II. Письмо В. Я. Шишкова к А. М. Ремизову (1921) / публ., вступ. ст., коммент. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 260–265; *Грачева А. М. Писатель в стране Советов: по эпистолярным материалам американского архива А. М. Ремизова // Toronto Slavic Quarterly. 2010. Fall. № 34. P. 139–148.*

¹¹ Переписка Е. И. Замятина с А. М. Ремизовым (1914–1936) / публ., подгот. текста и коммент. Е. Обатниной (в печати).

¹² Письма А. И. Рыкова, касающиеся возвращения изъятых на границе с Эстонией у доверенного лица Ремизова его рукописей (об этом подробнее в коммент. Е. Р. Обатниной: *Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7: Ахру. С. 525–526*), сопровождаются в конволюте «Русские письма» вырезкой из эмигрантской печати с портретом политического деятеля и сообщением ТАСС (Москва) от 14 марта 1938 г. об отклонении Президиумом Верховного Совета просьбы о помиловании, поданной осужденными на смертную казнь А. И. Рыковым, Н. И. Бухариным и еще пятнадцатью приговоренными по так называемому «Третьему московскому процессу». Письма А. Я. Аро-

торых партийных руководителей, впоследствии не избежавших советской репрессивной машины¹².

До 1924 г. включительно Ремизов, несмотря на сложную систему взаимоотношений внутри русской диаспоры, был настроен на активное сотрудничество с советскими печатными органами («Красная Новь», «Россия») и с представителями частных или кооперативных издательств («Алконост», «Круг»)¹³. Несомненно, эпистолярные контакты писателя были весьма осторожными и определялись официальной установкой конкретных органов печати, ориентированных как на публикации произведений писателей старой, дореволюционной формации, так и на поддержку и продвижение внепартийной талантливой молодежи. Историю этих отношений в тетради «Русские письма» отражают письма Алянского, Воронского, Аросева и Лежнева.

В Берлине Ремизов впервые заговорил о своем «гнезде» литературных питомцев, транслируя в рассказе «Крюк»¹⁴ идею преемственности поколений: «Русское большое литературное гнездо и малые гнезда живы, живут и яятся»¹⁵, — утверждал писатель, вопреки распространенному среди эмигрантов мнению, будто вся русская литература уже выехала из России или готовится к отъезду. Несколько экзальтированное чувство ответственности за сохранение литературной традиции, возникшее в настроениях Ремизова еще в России, подкреплялось отношением начинающих писателей, которые искренне считали его своим литературным наставником. Корреспонденция литературной молодежи составляет едва не основное содержание конволюта «Русские письма». Это эпистолярный «серационовых братьев» — Федина и Никитина; близких «братству» Б. А. Пильняка, поэтессы М. Шкапской, В. Г. Лидина; безвестных начинающих драматургов Дм. А. Щеглова, Н. М. Кузьмина, а также студента Петроградского университета Н. И. Закатимова, общение с которым началось в 1920 г. в редакции журнала «Красный милиционер». Более того, как оказалось, в писательском «благословении» нуждались и незнакомые лично с Ремизовым московские литераторы крестьянского происхождения, такие как Ф. В. Gladков (объединение пролетарских писателей «Кузница») и А. А. Демидов (член Всероссийского

сева дополнены газетной вырезкой 1937 г. с сообщением об его аресте вместе с супругой Верой Фиала.

¹³ В 1924 г. в советской периодической печати были опубликованы следующие произведения Ремизова: 1) в сборнике «Литературная Россия. Сборник современной русской прозы», вышедшем под ред. В. Лидина (Вып. 1. М.: Новые вехи, 1924) — Автобиография, глава из романа «Ров львиный», сказка «Ё: Тибетский сказ (из книги)»; 2) во втором номере журнала «Россия» — «Ушен: Сказ шакалий кабийский». Последняя публикация Ремизова в советской периодике состоялась в 1926 г. См.: *Ремизов А. М. <Автобиографический очерк> // Никитина Е. Ф. Русская литература от символизма до наших дней. Литературно-социологический семинарий: учеб. пособие. М.: Кооперативное изд-во писателей «Никитинские субботники», 1926.*

¹⁴ Впервые: *Ремизов А. Крюк: Память петербургская // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 6—10.*

¹⁵ Цит. по: *Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7: Ахру. С. 19.*

союза крестьянских писателей), очевидно питавшие надежды с его помощью найти спрос на берлинском книжном рынке.

К важным «русским» письмам Ремизов отнес и свои контакты с ученым-филологом П. М. Устимовичем, обеспечившим в 1926 г. передачу ремизовской коллекции игрушек в Литературный музей Пушкинского Дома в Ленинграде¹⁶.

Собрав в 1949 г. конволют «Русские письма», Ремизов опосредованно, через эпистолярные документы и сопутствующие им, точно подобранные повременные газетные вырезки, описал поворотный период своей биографии 1921—1923 гг., когда, разрешив, наконец, мучительную двухлетнюю дилемму, писатель, вместо возвращения в Петроград, 4 ноября 1923 г. сел в поезд, следовавший в Париж.

Понимание, насколько сложным и неоднозначным было отношение Ремизова к новой России и, соответственно, насколько мучительным был его жизненный выбор, потребует экскурса в историю отъезда писателя за рубеж и первых двух лет его жизни в эмиграции. Для иллюстрации этого биографического сюжета мы обратимся к эпистолярным документам, собранным в альбомах из американского и парижского архивов Ремизова, а также к материалам хроники советской и эмигрантской прессы.

Об отношении Ремизова к Октябрьской революции и ее последствиям скорбно свидетельствует дневник писателя¹⁷. Годы военного коммунизма, практически проведенные в борьбе за существование, довели Ремизова до физического и эмоционального истощения. Записи 1919 г. красноречивы сами по себе. В августе он констатировал: «Вообще вся наша жизнь пугает меня. Утром встаю с отчаянием. Все силы уходят только не на то, чтобы писать, а что-то такое делать, чтобы быть на белом свете»¹⁸, а в начале ноября, воспринимая окружающее как абсурд, ставший реальностью, зафиксировал предельное состояние: «Думал: подам прошение Совет<у> Народ<ных> Комис<саров> расстрелять меня как запаршивевшую собаку — все равно, ни толку от меня, ни пользы. Все мое время уходит на добычу, а венец дел — один раз в неделю пообедать»¹⁹. В 1917—1918 гг. Ремизов занимал откровенно антибольшевистскую позицию. «Огневица», «Слово о погибели Русской Земли», «Слово к матери-земли», «Заповедное слово Русскому народу», «Золотое подорожие», подготовленный к печати, но неопубликованный памфлет «Вонючая торжествующая обезьяна...», «О судьбе огненной. Предание от Гераклита Эфесского», «Электризм» — все эти произведения однозначно демонстрируют отношение писателя к революционным событиям и доподлинно раскрывают пережитую им глубокую личную трагедию — гибели России-Атлантиды, исчезающей на глазах. Острое переживание Ремизовым Октябрьского переворота привело писателя к принятию скорее охранительной, смиренно-стоической позиции, нежели противоборствующей

¹⁶ См. примеч. 5.

¹⁷ См.: Ремизов А. М. Дневник 1917—1921 гг. // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 5: Взвихрённая Русь. С. 423—533.

¹⁸ Там же. С. 504.

¹⁹ Там же. С. 505.

миссии по отношению к окружающей действительности²⁰. Его сознание, измученное неутраченной скорбью о погубленной России, искало оправдания ужасу происшедшего в мысли о неизбежной необходимости очистительной катастрофы²¹.

Принципиальное изменение своей личностной и творческой позиции Ремизов объяснит в надписи на издании его поэмы «О судьбе огненной. Предание от Гераклита Эфесского» (Пг., 1918): «...слово Гераклита / В марте 1918 г<ода> писалось оно. <...> / Это “слово” после моих “слов” (о гибели рус<ской> земли / русскому народу) / — новая ступень. Глаз на происходящее над происходящим / а не изнутри, как те “Слова” мои»²². Мотив перехода в небытие и трагическое возвращение на «белый свет», где душа проходит свой вынужденный горестный путь, получил в творческом сознании Ремизова прочные корреляции с Октябрьским переворотом. А. А. Ахматова из своих редких встреч с Ремизовым в 1919—1921 гг. запомнила одно шутовское присловье: «Я не в осуждение зверю говорю»²³, которое в иронической форме, как представляется, отражало позицию писателя, отказавшегося от оценочных суждений по поводу наступившей эпохи. Его летопись 1917—1921 гг., составившая содержание романа «Взвихрённая Русь», повествовала о человеке, бессильном перед стихией революционного шквала.

В 1919 г. началась история неоднократных прошений писателя в Совет Народных Комиссаров о выезде за границу, с обращениями за поддержкой к М. Горькому, В. А. Карпинскому, С. А. Абрамову, А. Г. Глебову, Г. В. Чичерину, А. В. Луначарскому. Через год безрезультатных попыток он, в состоянии полного отчаяния, в письме В. А. Карпинскому от 20 апреля 1920 г. просил: «...помогите мне: поговорите с кем это надо! — отпустить меня и жену мою (С. П. Ремизову-

²⁰ Изменения в мировоззрении Ремизова были связаны не только с самим фактом смены власти, но и, возможно, в первую очередь с проявлениями самых жестоких форм народной стихии, поднятой революцией. Об этом он писал в 1918 г. в поэме «Золотое подорожие. Электрумные пластинки» (см.: *Обатнина Е. Р.* «Золотое подорожие» А. М. Ремизова: текст и контекст // *Русская литература.* 2007. № 4. С. 89—105).

²¹ Ср. также дневниковую запись от 5 августа 1920 г., сделанную под впечатлением уличных сцен послереволюционного времени: «Последнее время думал много о всех событиях наших и всего мира. М<ожет> б<ыть> иначе нельзя. Нельзя, невозможно, ч<то>б<ы> ч<еловеческ>ая порода добровольно пошла по-другому в царство духа. Надо насилие, огонь, надо утратить, гнать человечество. Иначе нельзя, по косности своей не <может. — зчрк.> в состоянии человек сам своей силой. Инквизиция огнем думала спасти душу человека; а я думаю террором — уздой декретов — можно спасти человечество — вывести его на новую дорогу» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5. Взвихрённая Русь. С. 511).

²² РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 81.

²³ См.: *Тименчик Р.* Ахматова в 1960-е годы. М.; Toronto, 2005. С. 647.

Довгелло) в Финляндию хоть на теплые летние месяцы. Из последних сил хожу и все делаю. Измаяно сердце, ноги, дых и мысли»²⁴.

Восстановить реальную жизненную ситуацию, в которой оказался Ремизов вместе с другими литераторами, подававшими прошение на выезд из Советской России, позволяют документы ЦК РКП(б). Их содержание раскрывает планомерную легитимацию деспотических механизмов воздействия на такую идеологически неустойчивую категорию граждан, как представители культуры буржуазной формации. В секретном донесении начальника Иностранного отдела ВЧК Я. Х. Давыдова в ЦК РКП(б) от 28 июня 1921 г. был сформулирован базовый тезис в отношении к попыткам творческой интеллигенции выйти из-под контроля новой власти, добываясь права хотя бы на временную эмиграцию: «<...> Принимая во внимание, что уехавшие за границу литераторы ведут самую активную кампанию против Советской России и что некоторые из них, как Бальмонт, Куприн, Бунин, не останавливаются перед самыми гнусными измышлениями — ВЧК не считает возможным удовлетворять подобные ходатайства. Если только у ЦК РКП нет особых соображений, чтобы считать того или иного литератора за границей более желательным, чем в Советской России — ВЧК со своей стороны не видит оснований к тому, чтобы в ближайшем будущем разрешить им выезд. Во всяком случае, мы считали бы желательным разрешение подобных вопросов передавать в Оргбюро. <...>»²⁵.

В это время атмосфера петроградской общественной жизни для интеллигенции становилась все душливей, летом день ото дня росло число арестованных²⁶. Положение Ремизова также было не безопасным: на его счету были сатиры на большевиков, публиковавшиеся в 1917 г. на страницах эсеровской печати²⁷. Но

²⁴ РГБ. Ф. 1. Оп. 2. № 38. Опул.: Грачева А. М. Между Святой Русью и Советской Россией: Алексей Ремизов в эпоху Второй русской революции // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5: Взвихрѣнная Русь. С. 601.

²⁵ Цит. по: Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953 / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999. С. 21.

²⁶ Ср. дневник Ремизова за 1921 г., отрывочные записи сновидений без указания месяца, свидетельствующие о крайней степени нервного напряжения писателя: «Сидим в моей комнате я, С. П. и Сергей. Ночь. С улицы вызывают из каждого дома и расстреливают. Сейчас дойдет очередь до нашего дома. Чей-то голос вызывает: — Год — 69. И я выхожу через окно...» (цит. по: Ремизов Алексей. Дневник 1917—1921 / подгот. текста А. М. Грачевой и Е. Д. Резникова, вступ. заметка и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее: ист. альм. М.; СПб., 1994. [Вып.] 16. С. 500. См. также описание обстановки лета 1921 г. на основании дневников Александра Бенуа в статье: Флейшман Л. Бегство в Эстонию: Ремизов и ревельское издательство «Библиофил» // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2016. № 4. S. 57.

²⁷ См. об этом: *Lamp H. Political Satire of Remizov and Zamjatin on the Pages of «Prostaja gazeta»* // Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer / ed. by G. Slobin. Columbus, [1987]. P. 245—259 (UCLA Slavic Studies; Vol. 16); *Субботин С. И.* К атрибуции псевдонимных сочинений из «Простой газеты» // Русская литература.

в то же время, как это ни курьезно, помощь Ремизову приходила, и именно со стороны большевиков, сохранявших толерантность к писателю, отчасти, благодаря разнообразным личным встречам в дореволюционную пору. Таким «покровителем» Ремизова при советском строе стал А. В. Луначарский, познакомившийся с писателем в вологодской ссылке (1901—1903)²⁸. В начале века их пути еще несколько раз пересекались на символистских «просцениумах» Петербурга, в частности на «башне» Вяч. Иванова²⁹.

Отклик наркома на ремизовскую просьбу поддержать его прошение о выезде за границу был, несомненно, данью и давнему знакомству, и собственному литературному прошлому³⁰. В начале июня Ремизов получил документ — нечто вроде «охранной грамоты», который был составлен и подписан лично наркомом по Просвещению, на том основании, что ревельское издательство «Библиофил» планировало выпустить сборники «Шумы города» и «Огненная Россия»³¹. Однако воспользоваться этим, не утвержденным в Политбюро, документом на выезд, писатель сначала решился³², а через некоторое время возникла экстренная ситуация, подтолкнувшая его к куда более авантюрному поступку. В начале августа неожиданно появилась возможность покинуть пределы России под прикрытием представителя издательства «Библиофил» А. Орга — эстонского консула, занимавшего в Петрограде должность председателя Контрольной оптационной комиссии. К тому же дипломатическая неприкосновенность Орга позволяла доставить за границу запрещенные к вывозу рукописи и часть домашнего архива

1992. № 1. С. 205—215; *Обатнина Е. А.* Ремизов. «Вонючая торжествующая обезьяна...» // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 142—153; публикацию памфлета Ремизова см. также в: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5: Взвихрённая Русь. С. 534—535.

²⁸ См. упоминания о нем в ремизовской автобиографической книге «Иверень». См. также: *Кохно И. П.* Вологодская ссылка Луначарского // Литературное наследие. М., 1970. Т. 82. С. 603—619.

²⁹ Факт участия Луначарского в дискуссии, произошедшей на Башне Вяч. Иванова в начале февраля 1906 г., зафиксирован в письмах Л. Д. Зиновьевой-Аннибал М. М. Замятниной (см.: *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: документальные хроники. М., 2009. С. 165).

³⁰ Партийная переписка отражает критику излишней толерантности Луначарского по отношению к писателям (Бальмонт, Андрею Белому, Блоку, Бунину, Федору Сологубу, Ремизову), за которых он ходатайствовал по вопросу о выезде за границу (см.: *Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953*).

³¹ Подробнее о письмах Ремизова, адресованных членам ЦК, см.: *Грачева А. М.* Между Святой Русью и Советской Россией... С. 601—603.

³² «Удостоверение», полученное от Луначарского, Ремизов перенаправил письмом А. М. Горькому (который в свою очередь также пытался содействовать писателю) для присоединения к некому пакету более весомых документов, открывавших путь за границу. См. подробнее: *Грачева А. М.* Между Святой Русью и Советской Россией: Алексей Ремизов в эпоху Второй русской революции. С. 602.

писателя, минуя таможенные досмотры³³. Два связанных между собой обстоятельства — срочное формирование эшелона с эстонскими переселенцами и безотлагательный отъезд самого Орга в Ревель — решили судьбу писателя и его жены. В результате, надеясь на поддержку дипломата, который одновременно с ними намеревался пересечь советскую границу, Ремизовы согласились на «билеты» беженцев («беженские билеты»³⁴) в эшелоне с эстонскими оптантами³⁵.

5 августа 1921 г. в 4 часа дня супруги сели в товарный поезд на Варшавском вокзале. Из багажа при них были только документы и самое необходимое, что поместилось в ручной клади. Как вспоминала жена писателя, о времени отъезда они узнали в тот же день пополудни³⁶. Им предстоял путь через Ямбург в Нарву, карантин, продлившийся 11 дней³⁷, и кратковременное проживание в Ревеле, потребовавшееся для оформления германской визы³⁸. 21 сентября 1921 г. они приехали в Берлин.

Отсутствие Ремизова в Петрограде стало очевидным 7 августа. В этот день скончался угасавший уже несколько месяцев А. А. Блок, и для многих было странно, что Ремизов, особенно сблизившийся с ним в последние четыре года, не появился ни в день смерти на Офицерской, в доме поэта, ни на Смоленском кладбище, в день похорон. С. М. Алянский для себя навсегда связал эти два, неравнозначные, но тяжкие по чувству утраты единомышленников и друзей, события как два «ухода»: один — из жизни, другой — из России. Когда наконец-то, благодаря оповещениям о судьбе русских писателей за границей, печатавшимся в берлинской «Русской книге», издатель нашел адрес Ремизова, он в своем первом письме к нему вернулся к той точке отсчета, от которой вел исчисление вре-

³³ По непредвиденным обстоятельствам багаж А. Орга был подвергнут тщательному обыску, в результате которого ремизовский архив был изъят и арестован. О возвращении Ремизову его рукописей см. примеч. 12, а также: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2001. Т. 4: Плачужная канава. С. 528 (коммент. А. М. Грачевой); *Обатнина Е.* Вариации памяти (Творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове) // Ремизов А. М. Кукха. Розановы письма / изд. подгот. Е. Обатнина. СПб., 2011. С. 250–253. (Сер.: Литературные памятники).

³⁴ Ср. ремизовское определение, в частности, в конце приведенной ниже автобиографической заметки из «Русской книги» (с. 24 наст. изд.).

³⁵ См. о фактической подоплеке отъезда Ремизовых и решающей роли в этой истории А. Г. Орга подробнее в статье: *Флейшман Л.* Бегство в Эстонию: Ремизов и ревельское издательство «Библиофил». S. 42–74.

³⁶ Ср. письмо С. П. Ремизовой-Довгелло от 10 декабря 1921 г.: «Всю квартиру бросили на произвол судьбы, книги продали за 4 миллиона (это 6 тысяч германских марок), но не получили денег, поэтому за три часа узнали, что надо ехать...» (Письма З. Н. Гиппиус — С. П. Ремизовой-Довгелло и А. М. Ремизову (1905–1941) / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Обатниной; в печати).

³⁷ Роспись этапов пути из России см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5: Взвихрённая Русь. С. 521–522.

³⁸ См., в частности, о пребывании Ремизовых в Ревеле: *Доценко С. Н.* А. М. Ремизов в Эстонии: начало эмиграции // Балтийский архив: русская культура в Прибалтике. Т. 2. Таллинн, 1996. С. 188–191.

мени расставания: «В день смерти Блока, не добившись Вас по телефону, я догадался о Вашем отъезде. Прошло всего $1\frac{1}{2}$ года с того времени, а чувство такое, что десять лет прошло»³⁹.

Между тем, исчезновение писателя из Петрограда было расценено как умело законспирированный побег и друзьями, и недругами. Эмиграция писателя тотчас же развязала руки пролеткультовцам, которые, изболничая Ремизова, уже видели классовых врагов и в его литературных воспитанниках. 10 сентября в «Красной газете» появилось наполненное откровенными инсинуациями описание быта писателя, пренебрегшего благами советской власти:

За границу удрала группа писателей. Между прочим, и г. Ремизов. А прежде чем удрать за границу, г. Ремизов пользовался вот какими льготами и преимуществами: в 1-м отеле ему было предоставлена лучшая, роскошно меблированная квартира. В отеле центральное отопление, но Ремизову были поставлены отдельные печи; дрова в течение года давались ему в изобилии. Он один в отеле пользовался отдельной прислугой; ему была предоставлена лошадь для разъездов за пайками; «Севцентропечать» предупредительно снабжала его газетами и журналами. Все это — за г о с у д а р с т в е н н ы й с ч е т. — За что? За какие заслуги перед революцией? «Из уважения к литературе». Когда месяца два тому назад из отеля выселяли беспартийных и даже кой-кого из коммунистов, г. Ремизов уцелел — «из уважения к литературе»?! Он пользовался всем, а рядом пролетарские писатели — пролеткультовцы и голодали и холодали и болели на этой почве безостановочно... «В порядке вещей»? Но теперь такому «порядку вещей» не должно быть больше места⁴⁰.

Заметка из «Красной» не осталась без внимания эмигрантской прессы, перепечатавшей ее на своих страницах целиком. В публикации «Голоса России» под названием «Бессильная злоба. Обиделись на Ремизова» иначе расценили поступок Ремизова: «Здесь все характерно, — отмечал советскую стилистику обращения с литераторами, как с узниками, корреспондент газеты. — По терминологии самих большевиков, из советского рая можно только “удрать”. Рассердившись на “удравшего” писателя, советский публицист ставит в вину писателю и печку, поставленную в его комнате, и прислугу, и даже советские газеты, читать которые предоставлялось писателю. Наконец, подобно волку в крыловской басне, автор ставит в вину Ремизову, что он “уцелел”»⁴¹.

³⁹ Amherst. Series 1. В. 1. F. 9; «Русские письма».

⁴⁰ В-Кн. [Князев В. В.]. Литературные новости // Красная газета. 1921. 10 сент. № 186 (1062). С. 4.

⁴¹ [Б. п.]. Бессильная злоба. Обиделись на Ремизова // Голос России. 1921. 30 сент. № 226. С. 2. См. также объективацию атмосферы политических преследований творческой интеллигенции, резко усугубившейся в конце лета 1921 г., что отчасти могло способствовать решению Ремизова воспользоваться покровительством А. Г. Орга, в спешном порядке покинуть пределы России (Флейшман Л. Бегство в Эстонию: Ремизов и ревельское издательство «Библиофил». С. 55—57). Упомянутая в статье Князева ситуация, в которой Ремизов «уцелел», когда из отеля Петросовета выселяли беспартийных, очевидно, назревала повторно. Ср. дневниковую

Эмиграция Ремизова стала неожиданностью и для ближайшего литературного окружения писателя. В личных записях «серапионов» Федина и Зощенко⁴² запечатлелось эмоциональное потрясение от выяснившейся впоследствии «двойственности» Ремизова, который не раз с убеждением высказывался о необходимости для писателя разделить судьбу своей страны, а сам буквально в одночасье испарился из Петрограда и вскоре был обнаружен в Берлине.

Тем не менее, потребность в общении с Ремизовым оказалась выше домыслов и подозрений. Уже 23 декабря 1921 г. Федин отправил в Берлин свое первое письмо и, что примечательно, написал его на немецком языке, от желания ли возобновить свой навык, полученный в немецком плену, или из предосторожности, сказать трудно. Ведь наверняка среди знакомых Ремизова было известно, что ВЧК не оставила без внимания эмиграцию писателя. Соседу Ремизова по отелю Петросовета на Троицкой улице Вяч. Я. Шишкову пришлось даже пройти через сито благонадежности, вероятно, в памятном Ремизову здании на Гореховой, 2, где в 1919 г. и он провел ночь под арестом⁴³. В своем письме от 29 декабря 1921 г. Шишков описывал события своей личной жизни, оказавшиеся в прямой зависимости от внезапного поворота в судьбе Ремизова: «Ваше первое письмо от 28/VIII (1921. — Е. О.) из Эстонии я получил... лишь в ноябре месяце. Сведения о том, что Вы вместо Смоленск<ой> губ<ернии> уехали за границу, а также некоторые Ваши просьбы, я узнавал из Ваших писем к общим нашим знакомым <...> А меня, грешным делом, в связи с Вашим отъездом допрашивали. Допрос был строгий, но вполне корректный. Был там трижды, простудился и целый месяц пролежал в постели»⁴⁴.

Узкий круг друзей остро ощутил отсутствие Ремизова. «От мала до велика» писали ему первые тоскливые письма. Алянский признался: «Скучно здесь без

запись Ремизова, восстанавливающую обстоятельства его поспешного отъезда: «...что было толчком к загранице? Предупреждение Б. (Б. Г. Каплуна. — Е. О.), что нас выгонят из Отеля. Если бы этого не произошло — мы бы не уехали, по крайней мере, так скоро» (цит. по: *Ремизов Алексей*. Дневник 1917—1921 / подгот. текста А. М. Грачевой и Е. Д. Резникова, вступ. заметка и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее: ист. альм. М.; СПб., 1994. [Вып.] 16. С. 513).

⁴² См.: *Зощенко М. М.* Из писем и дневниковых записей (1917—1921 гг.) / публ., вступ. ст. и примеч. Ю. Томашевского // *Новый мир*. 1984. № 11. С. 228; *Федин. К. А.* Из трех петроградских дневников 1920—1921 годов / публ. Н. К. Феединой и В. В. Перхина; коммент. В. В. Перхина // *Русская литература*. 1992. № 4. С. 154, 162.

⁴³ Подробнее об аресте писателя 15 февраля 1919 г. по делу о «заговоре левых эсеров» см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5: Взвихрённая Русь. С. 215—219; *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 92—94.

⁴⁴ Amherst. Series 1. В. 1. F. 3. Оpubл.: «В России, как встретимся, будем вспоминать»... II. Письмо В. Я. Шишкова к А. М. Ремизову (1921). С. 261. Ср. также воспоминания Ахматовой о дне 7 августа: «Мы пошли к Ремизовым передать рукописные книги Скалдина (Ольга <Глебова-Судейкина> и я). Не достучались. Через несколько часов там уже была засада — они накануне сбежали за границу» (цит. по: *Тименчик Р.* Ахматова в 1960-е годы. С. 647).

Вас, особенно после смерти Ал. Ал. (Блока. — Е. О.). Многих бесприютных Вы оставили: некуда пойти»⁴⁵. Серапион Никитин, добыв адрес писателя, в первых строках выпалил: «Дорогой мой, родной Алексей Михайлович, соскучился я по Вас страшно... <...> опять бы забежать в бархатное Ваше логово»⁴⁶. «Максимум» — начинающий драматург Н. М. Кузьмин, собравшись писать только в августе 1923 г., тоже был настроен лирически: «Здравствуй Алексей Михайлович! Улетели Вы, и так сиротливо стало без Вас. Бывало, придешь к Вам, посидишь, посмотришь, послушаешь, и так хорошо на душе»⁴⁷. А «очень хороший мальчик»⁴⁸ Закатимов, студент-филолог Педагогического института при Университете, сотрудник редакции журнала «Красный милиционер», своим приветом из Петрограда наверняка и вовсе растрогал сердце Ремизова: «Адрес Ваш берлинский я узнал от Я. П. Гребенщикова, великого книжника, с которым я встретился в Публичной библиотеке. <...> Когда я узнал о Вашем внезапном отъезде — это известие меня так поразило, что я первоначально не смог реагировать на него. Как раз накануне я собирался навестить Вас в Вашей замечательной хоромины, еще раз полюбоваться Вашими чудами и послушать Вашу мудрую речь. <...> Я любил Вас больше, чем кого-либо из современных писателей. Вы да Замятин — казалось мне — так пишете, как верите, как чувствуете, как сердце велит — остальные лгут, оригинальничают, жонглируют словами...»⁴⁹. Однако пережитое многими из друзей глубокое огорчение рассеялось с первыми письмами Ремизова из Берлина. 29 декабря 1921 г. В. Я. Шишков писал Ремизову: «Ваши товарищи, из них же первый я, ждем Вашего возвращения: поправьте свое и С<ерафимы> П<авловны> здоровье и возвращайтесь в Россию, которая так близка Вам»⁵⁰.

То и дело появлявшиеся в эмигрантской печати реплики писателя, перепечатываемые советской прессой, также давали надежду на его скорое возвращение. Уже в сентябрьском номере берлинской «Русской книги» был опубликован *circulum vitae* с 1918 г. по сентябрь 1922 г. Этот рассказ о деятельности подробно и колоритно воссоздает «подневольную жизнь» писателя, ранее никогда не состоявшего на государственной службе:

⁴⁵ Amherst. Series 1. В. 1. Ф. 9; «Русские письма».

⁴⁶ См.: Наст. изд. С. 203.

⁴⁷ Amherst. Series 1. В. 1. Ф. 9; «Русские письма».

⁴⁸ См. упоминание: *Ремизов А. М. Дневник 1917—1921 гг.* // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7: Взвихрённая Русь. С. 514—515.

⁴⁹ Amherst. Series 1. В. 1. Ф. 9; «Русские письма».

⁵⁰ Цит по: «В России, как встретимся, будем вспоминать».... II. Письмо В. Я. Шишкова к А. М. Ремизову (1921). С. 260—261. См. также письмо М. Шкапской от 30 января 1922 г., которая, очевидно полагаясь на устное сообщение В. Я. Шишкова, а также на информацию в журнале «Летопись Дома литераторов» (1921. № 4. С. 7), выражала надежду на скорейшее возвращение Ремизовых (*Грачева А. М. Алексей Ремизов и Пушкинский Дом: (статья первая): судьба ремизовского «Музея игрушек».* С. 201).

А л - е й М и х. Р е м и з о в приехал из Ревеля в Берлин (Charlottenburg 1. Kirchstrasse 2, II bei Delion). С начала революции по 5 VIII 1921 в Петербурге: В. О. 14 л. 31/33 кв. 48, а с 30 V 1920 г. Троицкая, 4 кв. 1. С 1 мая 1918 по 15 XI 1919 служил в ТЕО (Театральном Отделе): член историко-теоретической и репертуарной секции, непременный член Бюро ТЕО, заведующий русским театром репертуарной секции. С 15 XI 1919, когда в Петербурге похерили ТЕО, назначен в ПТО (Петербургское Театральное Отделение) членом репертуарной коллегии. 15 VI 1921 уволился по болезни: головные боли, не отпуская, мучили всю зиму. Театральное служение прошло под началом заведующих: О. Д. Каменевой, М. Ф. Андреевой, т. Озимины и т. Сокова. Начал с 500 р., а кончил 5850 р. жалованья ежемесячно. В 1919 г. в издании ТЕО вышли пьесы: «Бесовское действо» и «Трагедия о Иуде» — обе с примечаниями. Во «Всемирной Литературе» (1919—1920 г.) редактировал пьесы Габбе «Сто дней» и «Дон Жуан и Фауст». Там же приняты переводы пьес: Иоган Шляф «Вейганд», Рашильд «Продавец солнца», Андре Жид «Филоктет». С 1 VI 1920 — 15 VII был лектором Теории прозы на Словесном отделении Факультета Искусств в Красноармейском университете имени т. Толмачова (sic) (в Толмачевском), а с Пасхи, когда Словесное отделение упразднили, переименовав университет в Инструкторский Институт, читал на Театральном отделении вместо выбывшего К. И. Чуковского историю новой литературы от Гоголя до Горького, но успел только Гоголя. С 15 VII само собой уволился за сокращением лекторов в виду реорганизации Института на новых началах. Под двумя деканами прошло лекторство: под Адр. И. Пиотровским и Н. Эрн. Радловым; под двумя начальниками учебно-ученой части — М. Я. Аплетиным и Е. И. Иорданской; под двумя начальниками университета: под т. Ковалевым и т. Левиным. Начал с 60 р. за час и красноарм<ейским> пайком «лекторским», кончил в 150 р. за час и пайком «урезанным». Два месяца — ноябрь и декабрь — 1920 г. состоял членом коллегии драматургов при Политпросвете Политотдела 7-ой армии под началом т. Спешнева. В 1918—1919 г. сотрудником Воронежского худож<ественного> журнала «Сирена» под редак<цией> Вл. И. Нарбута, изд. Гор. Отд. при Вор<онежском> Губисполкоме, и «Вестника Воронежского Округа Путей Сообщения». В 1919 г. был сотрудником ж<урнала> «Рабочий Мир», М<осква>. Под ред. П. Зайцева. В 1919 был сотрудником ж<урнала> «Творчество», Харьков. Под ред. Ос. Ларина (Раппопорта). В 1919—20 г. был сотрудником ж<урнала> «Москва», М<осква>. Изд. «Творчество», под ред. С. А. Абрамова. 1919—21 г. был сотрудником «Игры», изд<ававшейся> Секцией «Детского театра» ТЕО, а потом ПТО под редак<цией> Н. Н. Бахтина и проф. М. Мироносецкого. В 1919—21 г. был сотрудником театральной газеты «Жизнь искусства», изд<ававшейся> ПТО Пб. под двумя редакторами: под Гр. Мат. Ромом и Евг. М. Кузнецовым. В 1920—21 г. был сотрудником ж<урнала> «Красный Милиционер», изд<ававшимся> Отд<елом> Управ<ления> Петерб<ургского> Совета в заведывание Отделом С. Н. Равич (Карпинской) под главн<ой> редак<цией> К. А. Лигского и непосредственном редак<ировании> А. Эм. Беленсона, автора «Голубых панталон». С уходом С. Н. Равич журнал упразднили. В 1920—21 г. был сотрудником ж<урнала> «Красный Балтиец», изд<ававшимся> Политпросветом Политуправления Балтфлота под ред. М. В. Серебрякова. Гонорар — 21 сов<етский> руб<ль> за строчку, наивысш<ий>, как за стихи. Август и полсент<ября> 1920 г. был сотрудником Прод. Театра (Продовольственного) при моск<овском> ТЕО в заведывание В. Р. Менжинской и под председ<ательством>

П. С. Когана. Написал пьесу о детях «Пупки кашеевы». В петербургском издательстве «Алконост» (Самуил Миронович Алянский) изданы: «Сибирский пряник», Пб., 1919, «Электрон», Пб., 1919, «Царь Максимилиан», Пб., 1920 г., «Заветные сказы», Пб., 1921 г. С 1919—1921 г. был сотрудником журнала «Записки Мечтателей». Издательство «Алконост». В Госиздате издан «Царь Максимилиан», Пб., 1920. Обезвелоупал (Обезьянья великая и вольная палата) издала «Царя Додона» с 3 рис. Л. С. Бакста. В том же обезьяньем издательстве вышли две сказки рукописные в 2-х экз. каждая «Продлит» № 1, I; № 2, II «Гнев Ильи Пророка» № III и альбом рисунка в единственном экз. «Прощальный вечер Андрея Белого в Вольфиле». В 1920 (году. — Е. О.) весной управделом Отдела Управления Петербургского Совета Борисом Каплуном был назначен Головой игрушечным, но осуществить ничего не пришлось. С 15 окт. 1920 г. заступлением Горького был зачислен на научный (академический) паек при «Доме ученых» вместе с Сологубом, Кузминым, Блоком и Гумилевым. В 1919 г. был избран членом «Дома искусств» и состоял сотрудником журнала «Дома Искусств» под ред. А. Л. Волинского, К. И. Чуковского и Евг. Замятина. С 1920 г. выбран в Комитет Дома Литераторов и членом суда чести в Петербургском Отделении Всероссийского Союза писателей. Был сотрудником в «Летописи Дома литераторов» под ред. А. Е. Кауфмана. 5 VIII по беженскому билету уехал из России за границу, чтобы «прикоснувшись к старым камням Европы набраться силы и вернуться назад в Россию, — русскому писателю без русской стихии жить невозможно». В издательстве «Библиофил», Ревель, выходит книга «Шумы города», состоявшая из рассказов и сказок, напечатанных в «Красном» Милитционере», «Красном Балтийце» и в других русских журналах 1919—1921 г. В издательстве «Грани», Берлин, выходит театральная книга «Крашенные рыла». В издательстве «Геликон», Берлин, выходит книга «Каменные пруды» — Россия в письменах⁵¹.

Очевидно, публикацию в эмигрантском журнале Ремизов использовал как «открытое письмо»⁵², поскольку здесь же он считал необходимым обозначить свою позицию как по отношению к Европе, так и к той корневой системе русской культуры, отделиться от которой он не мог и помыслить. Несколько позднее мысль об учительной роли Европы для «взвихренной» России Ремизов вновь повторил в своей автобиографии, написанной по заказу редактора московского журнала «Россия» И. Лежнева. Текст был опубликован в февральском номере за 1922 г. и содержал смысловые акценты, обозначенные авторским курсивом:

В конце лета 1921 г. по невыносимой головной боли, от которой последний год петербургский много мучился, выпущен был временно уехать из России. Пользуясь гостеприимством Германии, поселился я в Шарлоттенбурге на Церковной улице у львов (Charlottenburg, Kirchstr, 2 bei Delion), продолжаю начатые в Рос-

⁵¹ Русская книга. 1921. № 9. С. 29—30 (Отдел IV. Писатели). Текст републикуется с сохранением авторской орфографии и раскрытием сокращений в угловых скобках.

⁵² Именно последнее высказывание писателя о возвращении в Россию было процитировано в хронике журнала «Летопись Дома Литераторов» (1921. № 3. 1 дек. С. 7).

сии работы — голова успокоилась, — и учусь у великой германской культуры, давшей столько миру, и особенно России в науке, в искусстве, в примере *труда* и в бережении культуры⁵³.

С одной стороны, в объявленной личной программе просматриваются отголоски еще недавних противоречий с революционерами «духа» — скифами⁵⁴, вопреки которым Европа (в частности, Германия) воспринималась Ремизовым вовсе не как отмирающий мир, не как антипод будущей России, а как универсум накопленных веками ценностей, способных воспитать и цивилизовать стихию, которая бушевала теперь в его стране, грозя вырваться как из ящика Пандоры и обрушиться на Европу. С другой — Ремизов по-прежнему не мог представить себя вне России и не отказывался от строк своей поэмы «Огневица», написанной в 1917 г. после смертельной болезни, совпавшей с глубочайшим конфликтом с идеологом «скифства» Ивановым-Разумником⁵⁵: «я — кость от кости, плоть от плоти матери нашей бесчастной Руси»⁵⁶.

Еще в Петрограде, превозмогая моральный гнет нового режима и физические испытания голодом и разрухой, Ремизов через поэтику произведений Достоевского пришел к осознанию собственной сопричастности исторической действительности, какой бы жестокой и разрушительной она ни была. Многим запомнилась речь Ремизова «Огненная Россия. Памяти Достоевского», прочитанная 11 февраля 1921 г. в Доме Литераторов⁵⁷, которая прозвучала как декларация ответственности русского писателя за судьбу России, неизбежной сопричастности этой судьбе и необходимости нести бремя свидетельства. «Чтобы словом содрогнуть человеческие души, зажечь землю и, если суждено такому страшному часу, дать ответ за всю боль и грех человека, за бунтующую Россию»⁵⁸. Такое понимание писательской миссии было вполне органично пафосу

⁵³ Россия. 1923. Февраль. № 6. С. 25—26.

⁵⁴ Об идеологии литературной группы «Скифы» и их политических ориентациях см.: Леонтьев Я. В. «Скифы» русской революции: партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М., 2007. Об отношении Ремизова к идее «скифства» см.: Мануэльян Э. «Слово о гибели русской земли» А. Ремизова и идеология скифства Р. Иванова-Разумника // Алексей Ремизов: исслед. и материалы / отв. ред. А. М. Грачева. СПб., 1994. С. 81—88; Грачева А. М. Скифство в интерпретации Алексея Ремизова (мистерия «Соломон и Китоврас») // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре: сб. ст. по материалам конф.: Иванов-Разумник (1878—1946). Личность. Творчество. Роль в культуре (Царское Село, 16—17 марта 1996 г.) / ред.-сост. В. Г. Белоус. СПб., 1996. С. 89—95.

⁵⁵ Подробнее см.: Обатнина Е. Р. «Крылатый» или «земляной»? (к истории творческих взаимоотношений А. М. Ремизова и «скифов») // На рубеже двух столетий: сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / сост. Вс. Багно [и др.]. М., 2009. С. 484—495 (Новое литературное обозрение. Науч. прил.; Вып. 75).

⁵⁶ Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5: Взвихренная Русь. С. 157.

⁵⁷ Речь была прочитана на вечер, посвященном 40-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. Впервые опублик.: Вестник литературы. 1921. № 6/7. С. 18—19.

⁵⁸ Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. Взвихренная Русь. С. 359.

ремизовской эсхатологии, оправдывавшей беспощадность апокалиптического катарсиса революции. «— из-гор-им! — <...> И над просторной изжаждавшей Россией, над выжженной степью и грозящим лесом зажгутся ясные верные звезды»⁵⁹. Текст выступления памяти Достоевского, Ремизов включил в свою вторую по счету книгу, вышедшую за границей⁶⁰.

Русская диаспора поначалу тепло встретила Ремизова. Правда, среди встречающих были те, кто не ожидал, что он решится оставить Петроград, настолько в позиции писателя в 1917—1921 гг. прочитывалось стремление к осуществлению некоей охранной по отношению к русской литературе миссии. Еще в конце 1917 г. Ремизов вместе с Пришвиным видели спасение в колоссах русской культуры и учили молоденькую девчонку, помогавшую Серафиме Павловне по хозяйству: «...пока с нами Лев Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет»⁶¹. Позиция Ремизова запомнилась и бывшему редактору петроградского журнала «Лукоморье» Марку Бялковскому, который, уже находясь в Берлине, приветствовал писателя письмом от 9 января 1922 г.: «Дорогой Алексей Михайлович, здравствуйте! С чудесным избавлением и возвращением к жизни! Помните, как я убеждал Вас уезжать из Питера, а Вы говорили, что останетесь охранять могилу Достоевского. И все-таки уехали! Ну, слава Богу, что живы»⁶².

Между тем пушкинская формула русского национального характера, описанная в диапазоне «двух чувств» — любовь «к родному пепелищу», любовь «к отеческим гробам», — латентным образом наполняла ремизовские выступления в эмигрантской печати. Он настойчиво продолжал декларировать невозможность отрешиться от русской жизни, создавая из собственных настроений некую эталонную позицию русского писателя во *временной*, как он не раз подчеркивал, эмиграции. Так, он писал в «Голосе России» 14 мая 1922 г.:

Вам, заграничным, которым выпало на долю для передышки уехать за границу, особенно надо помнить оставшихся в России, которые, имея не меньше права на перемену обстановки, — для правления ли здоровья или сосрепоправления мысли, не могут и на самое краткое время уехать из России по своему семейному положению.

И если приходит к вам забвение, что расстояние, что время глушат память, — надо себя как-то осаживать.

Россия там — трудная — со столпами, словом, сердцем, мечтою и могилами.

На могиле Блока на Смоленском крест уже есть давно. Могила вся обложена дерном, рядом скамеечка, много, много белых венков и всегда зелень и цветы. Могила такая же аккуратная, как и комната у него была⁶³.

⁵⁹ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. Взвихрённая Русь. С. 363.

⁶⁰ Ремизов А. Огненная Россия. Ревель, 1921.

⁶¹ Пришвин М. М. Дневники, 1914—1917 / подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; коммент. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина. СПб., 2007. С. 545.

⁶² Amherst. Series 1. В. 1. Ф. 3. Очевидно, что запомнившийся разговор с писателем в Петрограде был подспудно связан с речью Ремизова памяти Достоевского «Огненная Россия». Ср.: «Достоевский — это Россия. И нет России без Достоевского» (цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. Взвихрённая Русь. С. 358).

⁶³ Голос России. 1922. 14 мая. № 965. С. 8—9.

Русский Париж и Русский Берлин начала 1920-х гг. представляли собой два кардинально разных мира. В отличие от Берлина, русская политическая и творческая эмиграция Парижа была более монолитна в своих антисоветских настроениях⁶⁴. Здесь в Союзе русских литераторов и журналистов сохранялось влияние непримиримых противников большевистской власти, не оставляющих надежд на скорый крах нового государственного строя. Для них появившиеся в Берлине Андрей Белый, М. Горький, З. Гржебин, Е. Лундберг были явными соглашателями и даже предателями. Ремизов, поддерживавший по приезду в эмиграцию творческие и дружеские контакты с перечисленными именами, представлял собой опасную фигуру, подвластную манипуляциям в политических целях. Его реноме сильно пострадало из-за нескрываемого сотрудничества с советскими издательствами, участия в различных проектах, ставящих своей задачей воссоздать в Берлине такие петроградские институции, как Дом Искусств и Вольфила⁶⁵, а также из-за его дружеского общения с писателями сменовеховского круга, печатавшимися в литературном приложении к газете «Накануне». В действительности отношение Ремизова к сменовеховству было весьма осторожным, хотя он явно не мог сразу понять политической составляющей этого направления, по внешним признакам сходного с желанием многих эмигрантов сохранять и развивать единую русскую литературу, однако по сути рассчитанного на ослабление позиции антибольшевистской оппозиции. Осваиваясь в разнополярных течениях русского Берлина, оказавшегося в значительной степени под советским влиянием⁶⁶, писатель решил довериться тактическо-

⁶⁴ О значительном влиянии на русскую эмиграцию в Берлине «советского» присутствия см.: *Шлегель К.* Русский Берлин: попытка похода // Русский Берлин, 1920—1945: междунар. науч. конф. / науч. ред. Л. С. Флейшман; сост. М. А. Васильевой. М., 2006. С. 16—17.

⁶⁵ См. об этом, в частности, в статьях: *Миру Ф.* «Обезьяний совет» и «Цвофирзон»: Алексей Ремизов в Берлине (1921—1923) // Москва — Берлин, 1900—1950: Изобр. искусство. Фотография. Архитектура. Театр. Литература. Музыка. Кино. [Каталог выставки, 3.09.1995—7.01.1996, ГМИИ им. А. С. Пушкина] / науч. ред. И. А. Антонова, Й. Меркерт. М.; Берлин; Мюнхен, 1996. С. 179—185; *Обатнина Е. Р., Белоус В. Г.* Берлинская Вольфила (1921—1922): хроника // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 141—155; *Beyer T. R.* Russia's Odd Couple: Andrej Belyj and Aleksej Remizov // Russian Literature. 2005. Vol. 58, iss. 1/2. P. 1—27.

⁶⁶ Ср.: «Трудности исторической интерпретации и квалификации участников “литературного Берлина” начала 20-х годов вытекают из того факта, что одни и те же лозунги и формулировки — например, лозунг национального единства русской литературы, близости ее “возрождения”, утверждение ее мессианической функции, требование “аполитичности” и т. д. — проходя через весь спектр общественно-политических платформ эмиграции и пересекая границу в “метрополию” — получали всякий раз новую идеологическую окраску и заряжались в диаметрально противоположных установках и формах практической деятельности» (*Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин, 1921—1923: по материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском ин-те. Paris, [1983]. С. 32).

му чутью Горького, жившего в Германии, как и он, на положении эмигранта, но сохранявшего самые прочные связи с литераторами России. В один из приездов Горького в Берлин Ремизов, как он рассказал в письме жене от 20 мая 1922 г., «с Горьким разговаривал о “Вехах” (“Смена Вех”), он против»⁶⁷. Особого внимания заслуживает реакция Ремизова на один из громких общественно-политических скандалов, связанных со сменовеховством и такой крупной фигурой эмигрантского мира, как А. Н. Толстой. Весной 1922 г. Толстой, укоренившийся в Париже, принужден был признать свое сотрудничество со сменовеховцами. Граф отправляется в Берлин, становится во главе редакции литературного приложения к газете «Накануне» и готовит себе триумфальное возвращение в Россию, публикуя официальную переписку с председателем Комитета Н. В. Чайковским⁶⁸. Естественно, что Толстой был объявлен в Париже *persona non grata* и выдворен из Союза русских литераторов и журналистов⁶⁹. Мнение Ремизова об отчуждении писателя из эмигрантского профессионального сообщества мы узнаем из его письма, адресованного жене 21 мая 1922 г.: «Что меня взволновало: узнал, что за парижским и наше берлинское “Литературное Общество” изгоняет А. Н. Толстого за “сменовеховство”. Все-таки, что бы человек ни сделал, а лишать его имени “писателя” нельзя. А кроме того, Толстые не на каждом шагу, и кто это исключает, какие это писатели — “мошкara”»⁷⁰. Таким образом, Ремизов пытался сохранять толерантность к личному выбору писателя, признавая, прежде всего, его литературный дар. Берлинская история с Толстым вдвойне подтверждает ремизовскую принципиальную аполитичность и, более того, терпимость к этическим поступкам современников⁷¹. Однако, личный опыт писа-

⁶⁷ Государственный литературный музей. Ф. 156. Публикуется: На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло, 1922 год / вступ. ст. и коммент. Е. Р. Обатниной, подгот. текста А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 7 (в печати). Об отношении Горького к сменовеховству подробнее см.: *Примочкина Н.* Горький и писатели русского зарубежья. М., 2003. С. 95–107.

⁶⁸ См. о Толстом в Берлине: *Толстая Е.*: 1) Человек меняет вехи: Алексей Толстой по пути из Парижа в Берлин // Шиповник: к 60-летию Романа Давыдовича Тименчика. М., 2005. С. 446–472; 2) Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М., 2013. С. 214–224.

⁶⁹ Ср.: «Ал. Толстой, как-то очутившись в Париже “эмигрантом”, недолго им оставался: живо смекнул, что место сие не злчное и, в один прекрасный, никому неизвестный день, исчез, оставив после себя кучу долгов <...> И преуспел — и при Ленине, и при Сталине...» (*Гиттиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж, [1951]. С. 304).

⁷⁰ Государственный литературный музей. Ф. 156. Публикуется: На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло, 1922 год.

⁷¹ Эта терпимость особенно удивительна, учитывая его личную историю отношений с Толстым, когда, казалось бы, с 1911 г. Ремизов мог счесть общественное поведение Толстого закономерным и предъявить ему личный счет обид и этических разногласий (см. подробнее: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные... С. 60–77). Думается, что после пережитого в России Октябрьского переворота все эти давнишние литературные «страсти» казались не более чем наивными детскими забавами.

теля, прошедшего горнило революционной публицистики на страницах печатных органов партии эсеров, не мог не подсказывать ему неизбежность стоящего даже перед литератором, не касающимся в своем творчестве политических вопросов, выбора идеологической платформы. Неслучайно в вырезке из «Накануне» от 24 апреля 1922 г. с публикацией заявлений трех сотрудников газеты о выходе из Парижского Союза русских литераторов и журналистов, Ремизов отчеркнул высказывание А. Толстого: «Я только что провел восемь месяцев в кадетских “Последних новостях”, но от этого не сделался кадетом. Работая в газете “Накануне”, я от этого не становлюсь сменовеховцем»⁷².

Писатель искренне надеялся на новое поколение литераторов, от которых зависела судьба русской литературы и культуры в целом. Еще находясь в Эстонии, он в своем интервью с неожиданной стороны описал литературную ситуацию большевистской России. «Оказывается, — писал собственный корреспондент берлинской газеты «Руль» в Ревеле 19 сентября 1921 г.⁷³, передавая мнение Ремизова, — <...> большевизм не смог задушить и погубить все творческие силы. В русском обществе и под коммунистическим ярмом есть и сейчас в России подлинные таланты. К числу их принадлежит украинец Зоценко, сын известного художника, проникнутый духом Гоголя. Талантлив и петербуржец Никитин, но выше их в литературных кругах советской России ставят молодого писателя москвича Вогау, пишущего под псевдонимом Пильняк. Некоторые утверждают, что Европа была бы потрясена, если бы удалось ознакомить ее с описаниями крестьянского быта во время советского режима, принадлежащими перу Пильняка. <...>»⁷⁴. Вскоре доброжелательное отношение Ремизова к литературной

Между тем в эмигрантской критике имена Ремизова и Толстого даже в отношении к описанию революции воспринимались как два противоположных по глубине художественного осмысления исторической катастрофы таланта. См.: *Россов В.* Два восприятия революции (Ал. Толстой и Ал. Ремизов) // *Голос России.* 1922. 12 марта. № 914. С. 4–5. Ср. также о позиции Ремизова в эмиграции очевидца: «В Берлине, когда в 1922 году возникло сменовеховское движение и началась классификация на просоветских и антисоветских, А. М. Ремизов оказался стоящим в стороне: своим его не признавали ни те, ни другие» (*Андреев В.* История одного путешествия. М., 1974. С. 297).

⁷² Amherst. Series 1. В. 1. Ф. 5; Альбом «1921. VIII—X».

⁷³ Интервью взято, по-видимому, перед отъездом Ремизова в Берлин через Ригу. В Берлин писатель с женой прибыли 21 сентября.

⁷⁴ [Б. н.]. Из беседы с А. М. Ремизовым // *Руль.* 1921. 27 сент. № 262. С. 2. Ср. также воспоминания К. А. Фебина, относящиеся к 1920–1921 гг.: «После одного вечера в Доме искусств я шел домой вместе с Ремизовым. <...> он говорил <...>, будто посвящая меня в тайные свои убеждения. — Ну, вот и появляются молодые, из медвежьих углов, кто с посада, кто с городища. Я всегда говорил — погодите. Придут, откуда никто и не ждет, явятся преемствовать, и с полным правом, не инкубаторные и не гомункулы, а с отцом и матерью — равно и от русской революции, и от русской литературы. Я счастлив, что был прав, что вижу теперь. Как вы все рождаетесь, что стою при самом начале, при родах, и что буду кого-нибудь повивать, как бабка» (*Федин К.* Горький среди нас // *Федин К.* Собр. соч.: в 10 т. М., 1973. Т. 10. С. 111–112).

молодежи подтвердилось реальным содействием в публикации их произведений на страницах эмигрантской печати. Берлинская квартира Ремизова была открыта для молодых писателей из России. В течение двух месяцев (в феврале—марте) 1922 г. в одном с Ремизовыми пансионе жил Б. Пильняк, который прибыл в немецкую столицу по командировке от Всероссийского союза писателей. С восторгом приняв на себя роль ученика, он охотно пользовался ремизовским покровительством и литературным авторитетом⁷⁵. В июне 1923 г. гостил у Ремизова один из «Серрапионовых братьев» — Ник. Никитин, имя которого благодаря ремизовскому покровительству стало известно в эмигрантских литературных кругах с появлением публикации рассказа «Мокей» на страницах «Голоса России»⁷⁶. Ремизов, надо полагать, действительно считал важным как для эмиграции, так и для европейцев, по выражению своего молодого друга, «русский товар лицом показывать»⁷⁷, участвуя в совместных издательских проектах. Уже в конце года в издательстве «Огоньки» вышел из печати «Московский альманах», в котором эмигранты были представлены только произведениями Андрея Белого и Ремизова, а остальное пространство отдано советским москвичам — В. Лидину, Б. Пильняку и А. Яковлеву⁷⁸. Казалось бы, партийное руководство могло изначально приветствовать начинание по объединению с эмигрантскими писателями. Однако Аросев, узнавший от Б. Пильняка об участии московской молодежи в берлинском издании, выразил крайнюю настороженность, пытаясь, по-видимому, найти идеологическое обоснование правомерности подобного сотрудничества: «Вы затеяли “Московский Альманах”. Но почему Белый и Ремизов в Германии? Культурное завоевание Германии? Это было бы хорошо. Но, кажется, оба они покинули наш народ? Говорю это и потому, что не лучше ли московские альманахи издавать в Москве?»⁷⁹. Письмо Аросева Б. Пильняк переадресовал Ремизову, который, судя по карандашным подчеркиваниям, прочел этот текст с особым вниманием. Писатель отметил специфическую риторику, которая диктует писателю быть «слугой народа» и выполнять посредством своего творчества политическое задание партии.

В конце 1922 г. в Берлине появился В. Лидин. Московский писатель собирал по заказу журнала «Паруса» материал для номера, в котором планировалось опубликовать коллекцию автобиографий современных писателей. Лидин в воспоминаниях пояснял мотивы своего визита к писателю, за которым в советском официальном литературоведении закрепился статус «белоэмигранта»: «не следует забывать, что в ту пору Ремизов, а вместе с ним Андрей Белый своим не-

⁷⁵ См. переписку писателей: *Пильняк Б. А.* Письма: в 2 т. (по именному указателю).

⁷⁶ Рассказ предварялся заметкой Ремизова, озаглавленной «Серрапионовы братья» (Голос России. 1922. 21 мая. № 971. С. 7).

⁷⁷ См. письмо Пильняка А. К. Воронскому от 15 февраля 1922 г. (*Пильняк Б. А.* Письма: в 2 т. Т. 1. С. 407).

⁷⁸ Московский альманах. Берлин: Огоньки, 1922.

⁷⁹ Amherst. Series 1. B. 1. F. 9; «Русские письма». Письмо Аросева, судя по карандашной помете, было получено адресатом 25 февраля 1922 г. См. также примеч. 110, комментирующее другой фрагмент этого же письма.

сколько дремучим словом и стилизаторскими приемами влияли на некоторых молодых советских литераторов, а иные даже учились у них: впоследствии это стало называться «орнаментальной прозой»⁸⁰.

Встретив радушный прием, Лидин по возвращении в Москву 11 декабря уже докладывал о судьбе рукописи, полученной в Берлине: «К биографии я Вашей написал несколько слов перед и после текста Вашего, как Вы хотели <...>. Ничего, что биография печатается с маленькой карточкой, которую Вы мне подарили»⁸¹. Впоследствии посвятив Ремизову главу в своих литературных мемуарах, Лидин вспоминал, что свое краткое жизнеописание Ремизов написал знаменитой каллиграфией в стиле писцов XVII в., предварив текст автоцитатой из печатного выступления в «Русской книге»: «Россия — там — трудная — со столпами, сердцем, мечтою и могилами»⁸². Здесь же Лидин воспроизвел строки из личного письма Ремизова, полученного в 1922 г.: «Передайте тем писателям, кто поверит мне, — это я сам чувствовал всегда, а тут живя, на примере увидел германском: литература есть цвет России и всякая веточка — краса России и надо только радоваться всякому новому дарованию, оберегать и помогать, а не подсиживать и “ругать”, как это было у нас в обычае, писатель к писателю хуже волков, совсем забывают, что грызня — не украшение России, а обцарапывание России, забывают Россию»⁸³.

Уже с февраля 1922 г. Ремизов настраивался на возвращение в Петроград и искал в этом решении союзников среди эмигрантов, очевидно надеясь, что в России обозначилось самоопределение творческой интеллигенции как некой созидательной и самостоятельной силы. 16 февраля 1922 г. в совместном с Пильняком и Андреем Белым письме, адресованном Горькому, он определенно поставил проблему, которая ему казалась актуальной и для многих других — «Хочется мне с Вами повидаться и о затее своей рассказать и решить: не пора ли уж по домам»⁸⁴. Намерение писателя скоро стало достоянием официальной прессы. В «Известиях ВЦИК» появилась заметка: «В письмах, полученных из Берлина в Петрограде от Алексея Ремизова, последний сообщает, что весной собирается вернуться в Петроград»⁸⁵.

Жизнь Ремизова в диаспоре осложнялась сопутствующим пристрастным контролем и недоверием со стороны наиболее радикально настроенных против большевиков соотечественников. Такой была З. Н. Гиппиус, поддерживавшая с С. П. Ремизовой-Довгелло многолетнюю дружбу. Их отношения, прерванные побегом супругов Мережковских из России, восстановились с прибытием Ремизовых в Берлин. В феврале возник первый, не проясненный до конца конфликт

⁸⁰ Лидин Вл. Люди и встречи. Страницы полдня. М., 1980. С. 233.

⁸¹ Впервые: Литературная Россия: сб. современной русской прозы. М.: Новые вехи, 1924. Вып. 1. С. 27—35; с фотопортретом Ремизова и каллиграфическом факсимиле фрагмента сказки «Заячий указ».

⁸² Лидин Вл. Люди и встречи. С. 234. См. полную цитату на с. 26 наст. изд.

⁸³ Там же. С. 235. Местонахождение оригиналов писем Ремизова неизвестно.

⁸⁴ Пильняк Б. А. Письма: в 2 т. Т. 1. С. 409.

⁸⁵ Известия ВЦИК. 1922. 19 февр. № 40. С. 3.

на почве подозрений в просоветской деятельности Ремизова. Гиппиус обнаружила помещенную в берлинском «Руле» репортажную реплику, безымянный автор которой со ссылкой на газету «Путь» (без уточнения места издания)⁸⁶ выражал собственное недоумение: «Как уверяет “Путь”, бежавший из России А. М. Ремизов в письме к своим петроградским литературным друзьям пишет: “И еще скажу вам: у кого есть силы и голова, пусть не покидает России. Так и скажите”. Непонятно, почему письма г. Ремизова в Петербург попадают в редакцию “Пути”. Но еще более непонятно, почему г. Ремизов предался такому самобичеванию?»⁸⁷ В заметке подразумевалась гельсингфорская газета «Путь» (беспартийная ежедневная газета, выходившая с 1 февраля 1921-го г. по 8 января 1922 г., отв. ред.-изд. П. И. Леонтьев, К. И. Шарин), где 31 декабря 1921 г. появилась безымянная публикация «Письмо А. М. Ремизова», в которой процитированные строки из личной переписки писателя предварялись наблюдениями публикатора: «Интересно отметить, что впечатления Горького от русской эмиграции сходятся с впечатлением А. М. Ремизова, недавно покинувшего Россию. По крайней мере, в письме к своим петроградским литературным друзьям А. М. Ремизов пишет: “И еще скажу вам: у кого есть силы <...>» (№ 262)». В альбоме писем за 1922 г., где Ремизов поместил вырезку из газеты «Руль», рядом имеется его помета: «вчерашний день был трудный»⁸⁸.

Пережитое за два года, проведенные Ремизовым в послереволюционном Петрограде, вызвало у писателя чувство сопричастности общей судьбе, которая буквально не отпускала его. В «Ахру» он вспоминал слова Блока: «В таком гнеде невозможно писать»⁸⁹. Единственный путь к сохранению морального права на творчество он видел в том, чтобы подняться над человеческим страхом перед стихией и принять ее неотвратимость. Миссия летописца, сопричастного своему времени, созрела в сознании писателя: «Ведь, чтобы сказать что-то, написать, надо со всем железом духа и сердца принять этот “гнет” — Россию, такую Россию, какая она есть сейчас всю до кости, русскую жизнь, метущуюся из комнаты в комнату, от дверей к дверям, от ворот до ворот, с улицы на улицу, русскую жизнь со всем дубоножием, шкурой, потрохом, орлом и матом, Россию с великим желанным сердцем и безусловной простотой, Россию — ее единственную огневую жажду воли»⁹⁰. В книжке, названной обезьяньим магическим сло-

⁸⁶ Очевидно, главной причиной подозревать Ремизова была возникающая аберрация названий источников. Гиппиус, очевидно, сочла, что ремизовское «послание» на родину было напечатано в газете «Новый путь», которая издавалась советским посольством в Риге с 1 февраля 1921-го г. по март 1922 г. Восприемницей этого печатного органа по составу редакции и выражению сменовеховской идеологии стала берлинская газета «Накануне». О закрытии газеты см.: [Лебедев В. И.]. Смерть рептилии // Голос России. 1922. 29 марта. № 928. С. 2.

⁸⁷ Руль. 1922. 8 янв.

⁸⁸ Amherst. Series 1. B. 1. F. 3; Альбом с письмами 1922 г.

⁸⁹ Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7: Ахру. С. 7.

⁹⁰ Там же. С. 15.

вом «Ахру» — огонь, Ремизов предъявил как диаспоре, так и метрополии три опоры мировосприятия, оправдывающие его собственное существование: память о единомышленниках (здесь опубликован очерк «К звездам», написанный на смерть Блока⁹¹), надежда на новое поколение литераторов (рассказ «Крюк») и идея братства вне политики (глава «Альберн» с манифестом Обезвельволпала).

Несмотря на успех на книжном рынке (с конца 1921-го по осень 1923 г. в Берлине в различных русских и немецких издательствах было выпущено 23 книги Ремизова) и на деятельное участие в общественно-литературной жизни русской диаспоры, писатель чувствовал себя непрошеным гостем в Германии и чужим среди русских берлинцев. В письме историку литературы и библиографу В. Н. Тукалевскому от 16 февраля 1922 г. он описывал свое положение в эмигрантском мире:

Нет, все-таки я никогда бы не уехал из России, если бы не беда: последнюю зиму от малокровия и утомления головой маялся — света не видел. Или погибать, или временно уехать — Понемногу оправляюсь,

а как укреплюсь, назад в Россию. Хочется мне не с пустыми руками домой вернуться и поучиться — есть чему поучиться,

и написать — четыре года смотрел, жил стотысячной жизнью и конечно, оторвавшись, легче видеть

яснее вижу

мало тут я видел чего, жалко — такое чувство

это я про русских

а что успел увидеть

а так мы отдельно — душой к России

за эмигранта не считаю себя⁹².

Приступы ностальгии, переживаемой Ремизовым, были до такой степени острыми, что даже прорывались в коротких пометах, которые писатель сохранил в своих альбомах. 13 апреля, в Великий Четверг, он записал: «13 IV в untergrund'e встреча с счастливейшим человеком. В суб<боту> 15-го едет в Россию»⁹³.

Настроения Ремизова чутко уловил и круг его знакомых, поддерживающих идею возвращенчества. Близкий к формирующемуся евразийскому движению, известный деятель эмиграции, журналист, сотрудник парижской газеты «Последние новости» С. В. Познер обратился к Ремизову 15 апреля 1922 г. с предложением: «Образовался здесь кружок, очень интимный, поставивший себе целью познакомиться с идейными настроениями сов<етской> России. Ведь мы, в эмиграции, скоро разучимся понимать живущих “там”. В кружок входят: Л. И. Шестов, А. Я. Левинсон, Г. Л. Лозинский, К. В. Лозинский, Бор<ис> Григорьев, Б. Ф. Шлецер, И. И. Фондаминский-Бунаков, В. П. Руднев, Н. Л. Слонимский, К. В. Мочульский и мы с Вовой (В. С. Познером. — Е. О.). Стараемся

⁹¹ См. также примеч. 38.

⁹² ГАРФ. Ф. 577. Оп. 1. № 697. Л. 14. Сохранены особенности авторской графики и пунктуации.

⁹³ Amherst. Series 1. B. 1. F. 5; альбом «1922. I–VII». Untergrund — берлинское метро.

завязать переписку с “тамошними”, достать выходящие там книги. Если у Вас есть интересные сведения оттуда, поделитесь с нами»⁹⁴.

Ремизов пытался не терять своего положения в еще сохранявшихся в России частных издательствах и журналах, владельцы которых были для него все теми же людьми, с которыми он бок о бок пережил и голод, и разруху 1919–1921 гг. Так, в переписке с Алянским обсуждалась публикация в издательстве «Алконост» воспоминаний Ремизова о Блоке, которые также (практически одновременно) были предложены в недавно образованное Е. Я. Белицким частное издательство «Эпоха». Заинтересованный в Ремизове издатель в своем письме от 2 января 1922 г. не преминул выразить искреннюю, надо полагать, надежду: «Думаем, что Вы скоро вернетесь в Россию. Нам кажется, что теперь все же легче здесь жить, чем раньше: можно больше печататься, появляются и периодические, толстые почты, журналы. <...> Большое спасибо Вам за теплое отношение к “Эпохе”»⁹⁵.

Сопоставляя страницы книжной хроники в советской и эмигрантской печати, нетрудно заметить, что Ремизов иной раз стремился к созданию в Советах, что называется, эффекта присутствия, сохраняя за собой статус действующего лица литературной жизни Петрограда и Москвы. Например, в журнале «Летопись Дома Литераторов» в конце 1922 г. сообщалось, что в планах издательства «Алконост» значится книга Ремизова «Крашенные <так!> рыла»⁹⁶. Между тем еще в январе, публикуя отчет о книжных проектах в Берлине, журнал «Вестник литературы» информировал, что в берлинском издательстве «Грани» уже выходит эта новая «театральная книга»⁹⁷.

В феврале возобновился эпистолярный обмен с московским издателем П. Н. Зайцевым⁹⁸, который, памятуя о сотрудничестве Ремизова с газетой «Рабочий мир» в 1919 г., прислал приглашение участвовать в новом журнале «Узел», образованном одноименной артелью писателей. «Журнал не марксистский, не футуристический, — рекомендовал новое издание Зайцев, рассчитывая на политические и эстетические ориентиры Ремизова, а также его предпочтения в выборе литературного сообщества. — Большое внимание будет уделено вопросам культуры, особенно русской. Сотрудники журнала: из москвичей Б. К. Зайцев, И. А. Новиков, М. О. Гершензон, В. Ходасевич, Н. Г. Машковцев, В. Станевич; петербургск<ие> — К. И. Чуковский, Е. И. Замятин, А. Ахматова, А. Чапыгин, О. Мандельштам и др.»⁹⁹. Перечисленный автором письма состав сотрудников

⁹⁴ Amherst. Series 1. B. 1. F. 5; Альбом «1922. I–VII».

⁹⁵ Ibid. F. 3; Альбом с письмами 1922 г.

⁹⁶ Летопись Дома литераторов. 1921. 1 нояб. № 1. С. 8.

⁹⁷ Вестник литературы. 1922. № 1. С. 24; Ремизов А. Крашенные рыла: Театр и книга. Берлин: Грани, 1922. 135 с. Книга вышла из печати не позднее 18 февр. 1922 г.

⁹⁸ Издание журнала не состоялось. Подробнее о группе литераторов, инициировавших журнал, см. в книге Н. Громоной «Узел. Поэты. Дружбы. Разрывы: из литературного быта конца 20-х–30-х годов» (М., 2006).

⁹⁹ Amherst. Series 1. B. 1. F. 9; «Русские письма».

журнала, представлял для Ремизова «родную среду». Картина советской жизни периода нэпа как в Москве, так и в Петрограде вкупе с многочисленными отзывами корреспондентов об улучшении бытовых условий жизни постепенно приобретала все более и более привлекательные черты. По-видимому, тогда же, весной 1923 г., Ремизов начал предпринимать шаги для получения советского паспорта и визы в Россию.

Возвращение Ремизова в Россию ожидалось не только близким кругом друзей, но и входило в планы партийных литераторов. Ремизов становится не просто объектом внимания, но крупной фигурой в шахматной партии на поле «Россия — эмиграция». Весной 1922 г. в берлинском отделении издательства З. И. Гржебина вышел «Петербургский альманах», составленный из произведений писателей, принадлежавших к России «буржуазной»: модернисты, вышедшие из лона символизма — Ф. Сологуб, А. Блок, М. Кузмин, А. Ремизов, Б. Зайцев, а также начинавшие в журнале «Заветы» (1912—1914) неореалисты — Е. Замятин, Вяч. Шишков. Редактор «Красной нови» А. К. Воронский, искусно режиссировавший советский литературный контекст¹⁰⁰, отметил в своей рецензии на альманах лишь бытовой рассказ Ремизова «Жизнь несмертельная»¹⁰¹, назвав его «прекрасным». Писатель как будто даже получил московское «указание сверху», что-то вроде литературного заказа, поскольку рецензент отметил: рассказ написан «гораздо проще, чем многие другие ремизовские вещи, насквозь реалистичен, ведьмовской элемент отсутствует, и к лучшему <sic!>»¹⁰². Более того, по сравнению с Замятиным, раздражавшим официозных критиков своей идеологической независимостью, Ремизов, по-видимому, уже считался вполне прирученным эмигрантом, возвращение которого оказалось бы не лишним для поддержания авторитета новой советской литературы. Воронский впервые применил тактику сталкивания лбами старых единомышленников: готовящегося к возвращению эмигранта Ремизова и непригодного для безупречной работы идеологической машины «внутреннего эмигранта», «попутчика» Замятина, сатирические сказки которого, по замечанию критика, «с присвистом и веселым ржанием перепечатывает зарубежная эмигрантская пресса»¹⁰³. Симптоматичным было и ироническое дополнение критика: «...и в самом деле, им там более уместно, чем в осажденном советском лагере...»¹⁰⁴.

Одобрения удостоилась и ремизовская пьеса «Гори-Цвет», написанная на основе его новеллы «Красочки» (1906), которая появилась в составе изданного в Берлине «Московского альманаха»¹⁰⁵. «Все по-прежнему он маг, и мастер сло-

¹⁰⁰ См. о подробнее: *Белая Г. А. Эстетические взгляды А. К. Воронского // Белая Г. А. История в лицах: из литературной критики 20-х годов. Тверь, 2003. С. 5—32.*

¹⁰¹ *Ремизов А. Жизнь несмертельная // Петербургский альманах. Пб.; Берлин: изд-во З. И. Гржебина, 1922. Кн. 1. С. 156—184.*

¹⁰² *Красная новь. 1922. Кн. 3. Май—июнь. С. 268.*

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ *Гори-Цвет: весенняя русалия // Московский альм. Берлин: Огоньки, 1922 [на обл. 1923]. С. 125—135.*

ва — расточал комплименты Ремизову Аросев в своей рецензии. — По-прежнему его особенное русское изящество. Как картины Билибина»¹⁰⁶. Расчет, если таковой вообще имел место, был грубым. Едва ли подобные «похвалы», возникшие на фоне начавшейся травли Замятина¹⁰⁷, могли доставить удовольствие Ремизову, пристально следившему за содержанием как «Красной нови», так и советских центральных газет, в частности московской «Правды» и «Известий ВЦИК», где партийными критиками уже распался инквизиторский костер для вольнодумцев¹⁰⁸. Литературное реноме писателя благожелательно воспринималось, очевидно, лишь в узком спектре его стилистических экзерсисов — от бытописания и народной мифологии до безобидного чудачества. Подобный ракурс был возможен только при купированном обзоре эмигрантского творчества писателя, игнорировавшем тот факт, что в трех номерах «Эпохи», издаваемой в Берлине под редакцией Андрея Белого, в том же 1922 г. публиковались главы ремизовского «Временника»¹⁰⁹. В этой «летописи революции» — произведении, составленном из глав, написанных и частью опубликованных еще в России в 1919 г., в форме личного дневника была воспроизведена хроника гибели огромной страны, всеобщего одичания и тотального абсурда.

Избирательный подход к творчеству писателя свидетельствовал о том, что в конце 1922 г. на официальном уровне хотя и наблюдалась очевидная тенденция к укреплению позиций Ремизова в системе советской литературы, но партийные руководители не теряли бдительности. А. Я. Аросев — комиссар, с 1922 г. наравне с Воронским возглавлявший редакцию журнала «Красная новь» и ко-

¹⁰⁶ А. А. [Аросев А. Я.]. Альманахи... [Рец.] // Красная новь. 1922. Кн. 6. Ноябрь—декабрь. С. 350.

¹⁰⁷ Ср. письмо Пильняка Замятину по поводу череды злобной советской ругани, в которой голос Воронского прозвучал как ослабление позиций редактора, ранее старавшегося избегать критики поколения писателей дореволюционной эпохи: «Я глубоко возмущен тем, что было с тобой: как все у нас по-хамски, и бездарно, — это я говорю о московской тебя — травле. Ты был прав, упрекая меня за “красно-новство”, хотя Воронский — очень хороший человек» (Пильняк Б. А. Письма: в 2 т. Т. 1. С. 415).

¹⁰⁸ В частности, к таким выступлениям, обращенным в адрес «Серрапионовых братьев», Б. Пильняка и Е. Замятина, относятся статьи: *Городецкий С.* Зелень под плесенью: литературный Петербург // Известия ВЦИК. 1922. 22 февр. № 42. С. 3; *Яковлев Я.* Горбатого только могила исправит // Правда. 1922. 5 марта. № 51. С. 2; *Воронский А.* Литературные отклики // Красная новь. 1922. № 2. Март—апрель. С. 258—275; *Полянский Вал.* [Лебедев-Полянский П.]. Серрапионовы братья // Московский понедельник. 1922. 28 авг. № 11. С. 3; *Коган П. С.* Письма о литературе. Письмо третье // Известия ВЦИК. 1922. 6 окт. № 225. С. 2; *Троцкий Л.* Внеоктябрьская литература: литературные попутчики революции: Серрапионовы братья. Всеволод Иванов // Правда. 1922. 5 окт. № 224. С. 2—3.

¹⁰⁹ Главы «Временника» впоследствии включены в роман «Взвихрённая Русь». См. историю текста в комментариях А. В. Лаврова: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10: Взвихрённая Русь. С. 558—560.

оперативную артель писателей «Круг», лично познакомившись с Ремизовым в Берлине в июле 1922 г., продолжил с ним переписку из Москвы. Конечно, Ремизов не мог себе представить, что общается с идеологом первых советских издательств, созданных для контроля настроений в писательской среде¹¹⁰, как этого не представляли себе до поры до времени, например, «серапионовцы» и Б. Пильняк. Характерна реакция Аросева на просьбу Пильняка содействовать писателю Ремизову в поиске его рукописей, конфискованных у сотрудника ревельского издательства «Библиофил», эстонского консула А. Г. Орга¹¹¹. В письме Пильняку, ходатайствовавшему за Ремизова, Аросев изъяснялся в манере партийца-функционера: «Дорогой друже Пильняк! Письмо Ваше и А. Ремизова получил. Принял относительно его шаги: написал в Москву в Н.К.В.Д. (с приложением копии его списка¹¹²) просьбу вернуть рукописи. Разумеется, это протянется долго, т. к. Ремизов имел несчастье связаться с известным грабителем России Орг'ом. Сей муж как насосом выкачивает наше родное золото...¹¹³ Надо подальше от него. Это же обстоятельство (знакомство с Оргом) сыграет роль весьма

¹¹⁰ См. документы Политбюро ЦК РКП(б) за 1922 г., связанные с организацией новых печатных органов, обществ, издательств для создания жесткой системы подконтрольности идеологических настроений среди писателей, в сб. «Власть и художественная интеллигенция» (с. 36–39).

¹¹¹ Свои рукописи Ремизов собственноручно передал А. Оргу накануне отъезда из Петрограда. Для транспортировки в Ревель Ремизов, не имея возможности вывезти весь необходимый для работы личный архив, понадеялся на дипломатический статус неприкосновенности консула. См. также примеч. 12. Подробно см. статью Л. Флейшмана «Бегство в Эстонию: Ремизов и ревельское издательство “Библиофил”» (S. 42–74).

¹¹² Речь идет о списке утраченных рукописей. См. также примеч. 32.

¹¹³ Подразумевалась разносторонняя деятельность А. Г. Орга. Как представитель издательства «Библиофил» он успешно заключал с петроградскими писателями договоры на издание их произведений в Ревеле. Помимо упомянутой нами статьи Л. Флейшмана «Бегство в Эстонию» (2016), см также: *Мисникевич Т. В.* Федор Сологуб и Эстония: заметки к теме // Блоковский сборник XVIII: Россия и Эстония в XX веке. Диалог культур. Тарту, 2010. С. 114–117. Однако, говоря о «золоте», Аросев подразумевал махинации с ценностями, которые якобы осуществлял Орг, пользуясь статусом дипломатической неприкосновенности. Ср. сохранившуюся в архиве Ремизова заметку под названием «Грандиозная спекуляция» (предположительно, из газеты «Голос России»), в которой содержалось сообщение из московского органа периодической печати от 23 января 1922 г.: «...опубликован ряд официальных документов, устанавливающих спекулятивную деятельность сотрудников эстонского дипломатического представительства в Советской России. У председателя эстонской контрольной опационной комиссии ОРГ <sic!> задержано контрабандных ценностей на сумму 10 миллиардов рублей <...>» (Amherst. Series. 1. B. 1. F. 1). Отголоски реальной подоплеки этих, в значительной степени сфабрикованных, обвинений звучат и в воспоминаниях сотрудника Орга по издательству «Библиофил» М. Л. Кантора, приведенных в статье Л. Флейшмана «Бегство в Эстонию: Ремизов и ревельское издательство “Библиофил”» (S. 44).

отрицательную и в вопросе возвращения А. Ремизова в нашу землю¹¹⁴. Однако буду «таранить» в желательном направлении»¹¹⁵.

Эмиграция как факт биографии Ремизова весьма негативно сказалась и в вопросе его привлечения к деятельности образованной в Москве писательской артели «Круг». 19 июля 1922 г. на заседании Комиссии по организации писателей и поэтов обсуждался список потенциальных авторов будущего издательства и одноименного альманаха. Классификация литераторов сама по себе была симптоматичной, в соответствии с задачей «идейной борьбы на книжном рынке», сформулированной крайне конкретно, — «политический учет» писателей¹¹⁶, Ремизов не попал в категорию «[Классики] “старые” писатели», как сходный с ним по положению эмигранта Горький. Однако и его литературная значимость для новой культуры в соответствии с установленным ранжиром была поставлена под «знак вопроса». Именно такой знак выразительно застыл в протоколе комиссии напротив имени, казалось бы, такого незыблемого авторитета советской литературы, как «Горький». Политкорректность Ремизова удостоилась лишь «третьей группы», вместе с М. Волошиным, Сергеевым-Ценским, А. Ахматовой, Ив. Шмелевым и др., литераторами, очевидно, имевшими свою историю «ошибок» по отношению к большевистскому строю. Напротив фамилии Ремизова в протоколе стояла помета: «Стремится в Россию»¹¹⁷.

Официальная литературная номенклатура, несомненно, нуждалась в создании своей элиты, признанной как мировым литературным сообществом, так и русской эмиграцией, к голосу которой прислушивалась старая Европа, испытывавшая оправданный страх перед экспансией новой России. Прежде всего, делалась ставка на возвращение М. Горького. Однако известный писатель, эмиграция которого была прикрыта партийным умолчанием, в 1922 г., в отличие от Ремизова, не спешил делать этот шаг. Между тем имена обоих классиков неожиданно появились на страницах «Красной газеты», год назад обличавшей «удравшего» за границу писателя с пылом праведного пролетарского возмущения, а теперь в неожиданном для этого партийного органа ракурсе вспомнившая о его чудачествах с Обезьяньим обществом. Как будто ЦК ВКП(б) вдруг признал

¹¹⁴ Предложение подчеркнуто красным карандашом, очевидно, Ремизовым, которому письмо Аросева было переслано Пильняком.

¹¹⁵ Amherst. Series 1. В. 1. F. 9; «Русские письма». См. также примеч. 72. Письмо датировано по помете о получении: 25 февраля 1922; содержит карандашные пометы Ремизова. Сравнение оригинала с публикацией фрагмента письма (см.: *Учитель или подмастерье? Семь писем Бориса Пильняка Алексею Ремизову* / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Д. Кассек // *Новое литературное обозрение*. 2003. № 61. С. 257; *Пильняк Б. А. Письма: в 2 т. Т. 1. С. 423*) обнаруживает ряд неточностей в прочтении текста.

¹¹⁶ Эта скрытая цель руководителей артели в протоколах заседаний по учреждению нового писательского объединения называлась формально «учет писателей». Подробнее о политической подоплеке создания «Круга» см.: *Поливанов К. М. К истории «артели» писателей «Круг»* // *De visu*. 1993. № 10. С. 5—15.

¹¹⁷ Цит. по публ.: Там же. С. 12.

легитимность Великой и Вольной Обезьяньей Палаты. Анонимный автор практически дословно пересказывал заметку, опубликованную Ремизовым под псевдонимом Саркофагский в берлинском «Голосе России»¹¹⁸. В предполагаемой нами стратегической комбинации колоритное сообщение о литературной жизни русской эмиграции, связанное с творческим юбилеем Горького, было неплохим подспорьем для того, чтобы вернуть в контекст большевистской печати имена двух «случайных» эмигрантов, сохранивших на родине статус литературных «учителей» — воспитателей молодых литературных сил. Публикация ремизовской заметки в «Красной газете» — удивительный факт истории советской журналистики, которая в 1922—1923 гг. еще не окаменела в железобетонном каркасе идеологических форм¹¹⁹ и давала спорадические сбои. При этом не исключено, что появление такого эстетически чуждого материала в одной из главных революционных газет страны, центральном органе Петросовета, стало возможным при непосредственном участии самого Ремизова и кого-то из его старых петроградских друзей:

Шуточный литературный орден «Обезьянья великая и вольная палата», организованная в Петрограде несколько лет тому назад Алексеем Ремизовым, чувствовала в Шарлоттенбурге А. М. Горького по случаю исполнившегося тридцатилетия его литературной деятельности. Писателю была выдана следующая грамота: «Обезьянья великая и вольная палата: князя обезьяньи, вельможи, послы, толмачи, обезьяньи служки и сонм кавалеров обезьяньего знака, собравшиеся в Шарлоттенбурге на сборище, постановили ознаменовать день тридцатилетия литературной деятельности князя обезьяньего и кавалера обезьяньего знака первой степени с глобусом¹²⁰, Алексея Максимовича Горького — выдать из Обезвельволпала хвост обезьяний: сей хвост обезьяний носить ему при себе неотрывно, чтобы всякому понять по хвосту было, что есть за человек, чем был и чего достиг, тридцать лет трудясь на духовной работе честно и хвально»¹²¹.

Примечательно, что именно в эмиграции Обезьянья Палата как форма жизнестроительства Ремизова стала выполнять роль «ватикана», существовавшего по собственным законам — вне политических оппозиций как внутри эмиграции, так и за ее пределами, в России. Ремизов избирательно, но посвящал в кавалеры ордена некоторых своих гостей из России. Так, благоволения царя Асыки заслужили Пильняк и Лидин, а вот многолетний корреспондент Ремизова «серапион» Никитин, знавший его еще до отъезда, как ни просил, остался без обезьяньего титула.

¹¹⁸ Саркофагский [Ремизов А. М.]. Из жизни художников в Берлине // Голос России. 1922. 8 окт. № 1079. С. 8.

¹¹⁹ Ср., в частности, проникновение шуточных мистификаций Ремизова, напечатанных в «Голосе России», на страницы московских «Известий ВЦИК»: «Борис Пильняк, живущий сейчас в Коломне, написал сатирический рассказ из жизни берлинской эмиграции «Мифический Соломон»» (Известия ВЦИК. 1922. 10 июня. № 127. С. 5).

¹²⁰ Обезьяньи награды Горького хранятся: ОР ИМЛИ. АГ-КГ-П-65-10-3, 65-10-10.

¹²¹ Красная газета. 1922. 10 нояб. № 291. С. 4.

В своей переписке с Ремизовым редакторы ведущих советских журналов постоянно склоняли писателя вернуться, тем более что и в Берлине некие посланцы России, общаясь с ним, понимали ремизовскую аполитичность по-своему — как расположенность к Советам. Так, письмо Пильняка Воронскому, из Берлина от 15 февраля, завершалось репликой, добавленной рукой неизвестного, который из желания помочь Ремизову считал необходимым ходатайствовать с позиций борьбы с контрреволюцией: «...он (Ремизов. — Е. О.) здесь болеет и вообще чахнет, но тяготеет к нам и против белогвардейщины»¹²².

В январе 1923 г. Аросев, очевидно лавируя между ремизовским пиететом перед европейской цивилизацией и сочувствием его материальному положению в Германии, переживающей жесточайший экономический кризис, пытался, не уключе интригуя, «материально заинтересовать» писателя: «Вы живете в Германии в интереснейший период. Завидую Вам, хотя это такой период, при котором платят 60 000 м<арок> за комнату. При таком положении, приняв в расчет всю интересность периода, можно думать и о России. Подумайте»¹²³.

Уже весной 1922 г. Ремизов мог почувствовать усиление давления цензурного комитета (при новом режиме переименованном в «политредакцию»), контроль которого распространялся как на частные, так и на государственные издательства¹²⁴. Неожиданно изменилось намерение С. М. Алянского опубликовать ремизовские воспоминания о Блоке. Об этом издатель кратко, но подчеркивая свое бессилие перед объективной реальностью, сообщал в письме от 18 апреля: «...о Ваших Воспоминаниях о Блоке. К большому моему огорчению их напечатать в Записк<ах> Мечт<ателей> нельзя будет по причинам, от меня не зависящим. Вообще же с печатным делом здесь становится трудно. Кроме всяких не зависящих от нас причин, есть еще и еще не зависящие от нас причины. Книга становится страшно дорогой, цена ее подходит уже к ценам мирного времени, т. е. начинает равняться по рыночной цене на хлеб и пр<очие> продукты. И когда перед читателем становится вопрос, что купить, книгу или хлеб, все симпатии на стороне книги, а желудок на стороне хлеба, а т. к. у нас желудок и есть диктатор существа нашего, и получается, что книгу покупают очень мало. Нам,

¹²² Пильняк Б. А. Письма: в 2 т. Т. 1. С. 409.

¹²³ Amherst. Series 1. В. 1. F. 9; «Русские письма».

¹²⁴ Ср. об ужесточении цензурных требований в годы нэпа: «При советской власти введены были свои новые порядки в отношении печати. <...> предварительному просмотру стала подлежать вся печать без изъятий. В конечном развитии установился порядок, по которому представлялась (в двух экземплярах) рукопись для получения разрешения в набор, затем набор для получения разрешения к печати и, наконец, отпечатанные экземпляры для разрешения выпуска в свет. Каждое разрешение давалось на три месяца, по истечению которых оно становилось недействительным; надо было испрашивать продление. Само собой очевидно, что при такой системе приходилось иметь постоянное, весьма деятельное общение с политредактором (цензором, “прикрепленным” к издательством Главлитом), навещающей его по тому или другому поводу чуть ли не через день» (Сабашников М. В. Записки. Письма. М., 2011. С. 482).

издательствам, приходится туго. Впрочем, думаю, что положение это временное и с осени можно будет интенсивнее работать»¹²⁵.

В 1923 г. на фоне изменения политики в отношении к «попутчикам», сказавшейся на Замятине и Пильняке, последовали и первые сигналы цензурного контроля в адрес Ремизова. Сначала не пришлась «ко двору» ремизовская книга о В. В. Розанове «Кукха», присланная писателем в редакцию альманаха «Круг». В апрельском журнале «Россия» был уже опубликован запоздалый анонс: «А. М. Ремизов приготовил к печати письма Розанова со своими комментариями и ведет переговоры с московскими издательствами об издании их в России»¹²⁶, хотя уже 20 марта Аросев написал Ремизову без объяснений причин отказа: «“Розановы письма” я оставил у Марии Михайловны (Шкапской. — Е. О.). Для “Круга” они не подходят»¹²⁷. Рукопись «Ров львиный»¹²⁸, напротив, вызвала эмоциональный отклик. Аросев буквально за ночь прочел роман и писал Ремизову 22 марта 1923 г.: «Вчера получил Ваш роман “Ров львиный”. Сейчас только закончил его читать. Конечно, не от меня Вам слушать отзыв <...> Как простой русский читатель скажу только, что роман мне очень понравился. Сегодня отдаю его на прочтение А. К. Воронскому. <...> И еще только одно: в сосуд, из которого причащаются, Вы слили так много человеческой скверны. Немного жутко. За себя и всех. Homo hominis — podlez <так!> — выходит!»¹²⁹. В марте на редакционном совете артели «Круг», в ожидании цензурного разрешения из Главлита, обсуждался порядок препринта в альманахе «Круг», а затем отдельного издания ремизовского романа¹³⁰. Однако, уже в апреле наиболее уязвимый в отношении идеологической критики участник объединения Б. Пильняк, ощутил значительные перемены в программе редсовета. В письме товарищу по артели К. Федину он делился: «С “Кругом” очень плохо. “Круг” вырождается в комиссариат <...> Главное зло (я объективен: спроси всех, кто близок к “Кругу”) — Аросев, комиссар и купец...»¹³¹. Не удивительно, что советская цензура не пропустила роман, по-видимому, не ожидая от Ремизова, готовящегося к возвращению, проявлений такой свободы взглядов, которую сразу отметил Аросев. Об отказе в «Круге» Ремизов узнал в первой декаде мая от друзей — М. Шкапской и Б. Пильня-

¹²⁵ Amherst. Series 1. В. 1. Ф. 9; «Русские письма».

¹²⁶ Россия. 1923. № 8. С. 31.

¹²⁷ Amherst. Series 1. В. 1. Ф. 9; «Русские письма».

¹²⁸ Первоначальное название романа, написанного в Петрограде (1917–1918), главы которого впервые появились в печати в 1923 г. в журнале «Русская мысль» (София; Прага; Берлин), а в 1950-е гг. публиковались под общим названием «Плачужная канава». См.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 4: Плачужная канава. С. 283–448.

¹²⁹ Amherst. Series 1. В. 1. Ф. 9; «Русские письма». Очевидно попытка перевода на латынь ремизовской формулы человеческого социума: «человек человеку бревно, человек человеку подлец, человек человеку Дух Утешитель», выведенной на страницах романа «Ров львиный» (Там же. С. 447), которая в свою очередь восходит к пословице Homo homini lupus est.

¹³⁰ Пильняк Б. А. Письма: в 2 т. Т. 2. С. 21.

¹³¹ Там же. С. 28. Подчеркивание в тексте авторское. — Е. О.

ка. Оставалась надежда на публикацию отдельных глав в журнале Лежнева «Россия» и в журнале Воронского «Красная новь», но и она не оправдалась. По иронии, отсылающей к происхождению названия романа, редакторы-идеологи приняли на себя роль тех дариев, которые не вправе были отменить свои же законы, но и справедливость в отличие от Дария библейского они восстановить были не в силах, и писатель, попавший в советский ров, не мог остаться невредимым, подобно Даниилу, и быть «прощенным». На этот раз Аросеву, после его письменных признаний Ремизову, пришлось объяснить мотивы отказа: «О неудачах в России “Рва львиного”, вам вероятно, уже писали, — “Человек человеку подлец” — повторил издатель понравившуюся ему ремизовскую максиму¹³², — не цензурно теперь в России. По этим же соображениям и Воронский не мог воспользоваться ею». Свое письмо от 25 июня Аросев закончил неожиданным вопросом: «Думаете ли о России? То есть о возвращении в нее грязно-пустынную?»¹³³ Вопрос, в котором Аросев использовал ремизовские эпитеты, встречавшиеся в последних главах романа, очевидно, содержал подтекст и мог быть воспринят Ремизовым двояко: как упрек-напоминание писателю, который, изображая будущее России в самых мрачных тонах, тем не менее, стремился разделить ее судьбу, но, скорее, как скрытое предупреждение о несовместимости подобного художественного видения в советских условиях.

Письма друзей, сообщавших, что бытовая и творческая жизнь литераторов в России налаживается в связи с новой экономической политикой, расходились с отголосками официальной прессы в отношении писателей-эмигрантов и внушали серьезные опасения. В ремизовских альбомах с письмами его корреспондентов нередко встречаются вырезки из берлинской русской периодической печати, которые выполняют функцию «контекста» эмигрантской жизни, проходившей в режиме сейсмического улавливания ужесточений большевистского режима. Так, в начале 1922 г. писатель сохранил заметку под названием «Журналисты вне амнистии», вырезанную, по всей вероятности, из газеты «Руль», в которой сообщалось: «Гельсингфорс. 21 января (соб. кор.). ВЦИК(б) все журналисты, проживающие за границей и работающие в эмигрантских органах периодической печати, приравнены к тем противникам Советской власти, которые выступали против последней с оружием в руках»¹³⁴. А в альбоме с письмами, полученными летом 1923 г., Ремизов сохранил вырезку из парижской газеты «Дни» от 1 августа, касавшуюся его лично. Здесь сообщалось об одном из послед-

---

¹³² Ср. пояснение Ремизова к теме своего творчества в автобиографии 1923 г.: «В романах основной вопрос о судьбе, о человеке и о мире: о человеке к человеку и о человеке к миру. — Что есть человек человеку? — Человек человеку бревно, стена — человек человеку подлец — человек человеку дух утешитель. — Человек в вечном круге хорового мира, вечная борьба человека с мировым хором за свой голос и действие» (Алексей Ремизов о себе // Россия. 1923. № 6. С. 25–26). См. также примеч. 129.

¹³³ Amherst. Series 1. B. 1. F. 9; «Русские письма».

¹³⁴ Ibid. F. 3; Альбом с письмами 1922 г.

них постановлений Комиссариата по просвещению, относящегося к вопросу гонораров писателей-эмигрантов, постановки драматических произведений которых продолжали идти на столичных и провинциальных сценах. В кратком списке избалованных Ремизов и супруги Мережковские были названы первыми. По предложению Комиссариата, пьесы «белых» писателей национализировались «в целях недопустимости обогащения злостных клеветников и активных белогвардейцев путем получения авторских»¹³⁵.

Вместе с тем растущая инфляция безжалостно вытесняла из Берлина не только русские издательства, но и русских эмигрантов. Еще в декабре 1922 г. из-за незаконных валютных операций иностранцев префектура Берлина приняла решение о тотальном выселении граждан иностранного происхождения. Ремизов в письме от 8 декабря жаловался С. Я. Осипову: «У нас большая беда: вот уж месяц, как нас выгнали с квартиры, ищем, не можем найти. (Все гонятся за валютчиками)»¹³⁶. В результате ходатайств Т. Манна и немецкого политического деятеля В. Хайне писателю удалось получить разрешение на проживание в Германии сроком до 31 декабря 1923 г.¹³⁷

Летом Ремизов, оставшись один, пока Серафима Павловна отдыхала на курорте, мучительно размышлял о выборе между Россией и переселением в Париж. Близкий товарищ писателя Лев Шестов, всегда поддерживавший Ремизовых в трудную минуту, хотя и активно склонял их к переезду, но все же не мог гарантировать удачного исхода в результате такого решения. Безусловно, его статус известного философа и профессора Сорбонны, был несравним с положением литератора, намеревавшегося влиться в весьма скудный и раздираемый внутривосточными распрями литературный рынок русской диаспоры во Франции. В конце июля в письмах жене Ремизов, совершенно измученный проблемой выбора, рассказывал о двух встречах с Шестовым, приехавшим из Парижа: 28 июля — «Звонил Шестов, приглашает к Э<й>тингону посидеть. Я пошел. Говорил с ним о Париже — другого выхода нет: или в Россию или в Париж. Ободрившиеся богачи, для которых надо, чтобы человек умирал с голода, тогда для успокоения своей души они дадут денег ровно столько, сколько надо, чтобы не помереть. Если бы воля (а не наше подневольное рабство), просто расплываться б с ними со всеми»; 29 июля обсуждение продолжилось, о чем Ремизов сообщал в следующем письме: «Вечером позвонил Шестов. <...> И опять продолжал разговор о Париже. Как быть, чтобы не быть в зависимости от Парижа? Ответ один: Россия. Шестов не произносит этого слова, но я-то понимаю. Не

¹³⁵ Заметка «“Национализация” авторского гонорара» (Дни. 1923. 1 авг. № 228. С. 5).

¹³⁶ Цит. по: «В России, как встретимся, будем вспоминать». С. 253. История о том, как Ремизова «выслали из Берлина за “спекуляцию”» и о помощи в этом деле Т. Манна, запечатлена в романе «Мышкина дудочка». См.: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 138—140.

¹³⁷ См.: Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 3. С. 112, 118; письма от 8 апреля и 30 мая 1923 г.

могу я никак успокоиться, так меня это ударило — эта сытая жестокость и “наплевать”»¹³⁸.

Осень принесла «плоды» длительной подготовки Ремизова к возвращению в Россию: в Москве 2 августа было вынесено Постановление ВЦИК о разрешении выдать Ремизову вид на жительство. Этот документ писатель получил у Полномочного Представителя РСФСР в Германии 29 октября с пометкой о действительности сроком ровно на год (до 29 октября 1924 г.). Разрешение на въезд в Советскую Республику, выданное Консульским Отделом Полномочного Представительства, от 1 октября 1923 г. было действительно по 2 декабря 1923 г.¹³⁹ Не трудно заметить, что виза обеспечивала лишь временное право на проживание в родной стране и, вместе с тем, вменяла в обязанность срочно вернуться в Россию, потратив на сборы не более месяца. Сам по себе документ был очевидным подтверждением того зависимого от партийного руководства положения, которое было уготовано писателю-эмигранту. Парадоксальным образом разрешение ВЦИК помогло сделать окончательный выбор, к которому Ремизов уже склонялся в июле и даже отговаривал возвращаться в Москву приехавшего в Германию на лечение М. О. Гершензона, который в свою очередь делился своими сомнениями с Л. Шестовым: «Посмотрел я на жизнь наших в Берлине — Ловцких, Ремизовых, Лазарева и др.: не многим легче московской (я говорю только о внешнем). И притом призрачно, пустынно, одиноко. И странно: после всех жалоб, все без исключения настойчиво советовали мне не ехать в Россию, особенно Ремизов, — и притом аргументировали все только от внешнего»¹⁴⁰.

Безусловно, Ремизова как писателя более всего волновала не только сама по себе возможность печататься, но и проблема читательской аудитории, которой он мог бы адресовать свои книги. И если в эмиграции профессиональный заработок был осложнен узкими рамками русского книжного рынка, то в России он напрямую зависел от партийной программы. Уже в июне 1922 г., послушав рассказы о реальности советского книгоиздательства, он сделал неутешительный вывод, которым поделился в письме Пильняку: «...соваться мне со своими книгами в Россию бесполезно. Очень все это грустно. И тут не выходит, и там не принимают. И где пытаться счастье, в каком Китае?»¹⁴¹. Не менее важным для Ремизова был вопрос о литературной среде. Раздробленность по политическим мотивам русской диаспоры угнетала писателя не меньше, чем понимание, что его прежние друзья в Москве и Петрограде захвачены тисками большевистской идеологии и лишены свободы творчества. Перспектива одиночества и бесправия на родине, вероятно, представлялась ему еще более невыносимой, чем теперешнее положение за границей.

Наблюдая за развитием талантливой творческой молодежи, не мог он также не заметить, что среди них были не только его поклонники, оказавшиеся, как

¹³⁸ На вечерней заре: письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло, 1922 год.

¹³⁹ РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 38. Л. 13.

¹⁴⁰ Гершензон М. О. Письма к Льву Шестову (1920—1925) / публ. А. д'Амелиа и В. Аллоя // Минувшее: ист. альм. М., 1992. [Вып.] 6. С. 288.

¹⁴¹ Цит. по: Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные... С. 291—292.

«Серапионовы братья», в поле личного общения, но и новые участники этого объединения, создававшие собственное направление, чуждые Ремизову по эстетическим принципам творчества. В этом смысле симптоматичным было появление на страницах январского номера журнала «Книга и революция» рецензии на ремизовскую книгу «Мара» (Берлин, 1922), автором которой стал новичок из братства «серапионов» — В. Каверин, вступивший в содружество уже после отъезда Ремизова из Петрограда. Вопреки уже привычному для отзывов на книги Ремизова тону елейного восхищения, молодой критик писал: «Не следует, быть может, судить эту книгу, как явление литературное. Для этого она слишком болезненно лична, что отдаляет ее от искусства подлинного. <...> Россия как призрак преследует А. Ремизова в этой книге, и она пригнетает и разжижает силою слишком личною его отвлеченное и сложное искусство»¹⁴².

«Западник» Каверин продемонстрировал совершенно отличный от ремизовского взгляд на литературу с позиций формализма, требующего от художественного произведения признаков собственно литературы (сюжетности), а не проявлений субъективного Я. Такой взгляд на творческие задачи не мог не внушить Ремизову опасений со стороны еще и третьей (кроме материальных трудностей и идеологического гнета) силы, способной вытеснить его на периферию литературной жизни в России. Тонкий психолог Аросев в своем письме Ремизову 19 июня удивительным образом затронул практически все болевые точки того уже сложившегося синдрома России, который мучительно переживал Ремизов летом 1923 г. Он писал, реагируя на присланную новую книгу «Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым» (Берлин; Пг.; М.: изд-во З. И. Гржебина, 1923): «Вы говорите, что у вас есть еще книги, чтобы издавать их для русского народа, а не для берлинского населения. — Присылайте. Нам очень хочется Вас издать. Хотя теперь все бредят “авантюрным романом”. Не знаю почему, должно быть чесотка мозгов! Что может быть авантюрнее того перкувыртка <sic!>, какой сделала Русь святая?! Я понимаю здесь авантюрное как <...> насыщенность каждой минуты событиями. А все-таки ищут авантюры. Зудилы. А вот объять <?> светлым и теплым художественным словом — на то нет стараний. Вот почему хочется Вашего слова. Если надумаете, присылайте»¹⁴³.

В конце лета Ремизов готовился к переезду во Францию. Как уже отмечалось, контакты с советскими писателями в Берлине создали вокруг его имени недоброжелательные толки о симпатиях к большевистской власти. Общий моральный климат парижской диаспоры был напряженным и крайне недоброже-

¹⁴² Каверин Вен. Алексей Ремизов. Мара. Книга рассказов. Берлин. Эпоха. 1922. 148 стр. [Рец.] // Книга и революция. 1923. № 1. С. 53–54. Ср. также литературную позицию Каверина, построенную на сопротивлении «традиции Ремизова» в его письме Горькому 20 декабря 1923 г. (см.: Каверин В. Литератор. М., 1988. С. 23–24). О расколе «серапионов» внутри группы и новой литературной «западной» тенденции, идущей против учителей Ремизова и Замятина, писал также И. Соколов-Микитов. См. его письмо А. Яценко 1922 г. (Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921–1923. С. 208).

¹⁴³ Amherst. Series 1. V. 1. F. 9; «Русские письма».

лательным к прибывающим соотечественникам. Об этом свидетельствуют строки из письма сблизившегося в то время с Мережковскими И. Шмелева, который осенью 1923 г. передавал Гиппиус последние парижские новости, почерпнутые в беседе с другим русским парижанином во время прогулки по Булонскому лесу: «Мы с Куприным бродили по дорожкам <...> толковали обо всем понемножку. О Шаляпине, которого будто бы отлупили по щекам в Париже месяц тому назад молодые люди, о том, как еще раньше выпороли Есенина, и о Максиме Горьком, который уже не живет где-то во Франции и которому может предстоять нечто подобное — все под Богом. О том, что приехал Юшкевич, Ходасевич, Матусевич, что едут не получивший ангажементу Андрей Красно-Белый и зверино-вещий Ремизов-Сараев¹⁴⁴, и много-много еще...»¹⁴⁵.

7 ноября 1923 г. ночным поездом Ремизов с женой прибыл в Париж¹⁴⁶.

Список литературы

1. А. [Аросев А. Я.]. Альманахи... [Рец.] // Красная новь. 1922. Кн. 6. Ноябрь—декабрь.
2. Алексей Ремизов о себе // Россия. 1923. № 6.
3. Андреев В. История одного путешествия. М., 1974.
4. [Б. н.]. Бессильная злоба. Обиделись на Ремизова // Голос России. 1921. 30 сент. № 226.
5. [Б. н.]. Из беседы с А. М. Ремизовым // Руль. 1921. 27 сент. № 262.
6. [Б. н.]. «Национализация» авторского гонорара // Дни. 1923. 1 авг. № 228. С. 5.
7. «В России, как встретимся, будем вспоминать»: I. Переписка А. М. Ремизова с С. Я. Осиповым (1913—1923); II. Письмо В. Я. Шишкова к А. М. Ремизову (1921) / публ., вступ. ст., коммент. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 218—265.
8. В-Кн. [Князев В.]. Литературные новости // Красная газета. 1921. 10 сент. № 186 (1062).
9. Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953 / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999.
10. Гершензон М. О. Письма к Льву Шестову (1920—1925) / публ. А. д'Амелиа и В. Аллоя // Минувшее: Ист. альм. М., 1992. [Вып.] 6. С. 237—312.
11. Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж, [1951].
12. Грачева А. М. Между Святой Русью и Советской Россией: Алексей Ремизов в эпоху Второй русской революции // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 5: Взвихрённая Русь. С. 589—605.
13. Грачева А. М. Писатель в стране Советов: по эпистолярным материалам американского архива А. М. Ремизова // Toronto Slavic Quarterly. 2010. Fall. № 34.

¹⁴⁴ Подразумеваются контакты Ремизова с Горьким, жившим в 1922—1923 гг. в германском курортном городке Бад Сааров, расположенном неподалеку от Берлина.

¹⁴⁵ Amherst. Zinaida Gippius and Dmitriy Merezhkovsky Papers. Series 1. B. 3. F. 59.

¹⁴⁶ Ремизовы выехали поездом по маршруту Берлин—Кельн 5 ноября; 6 ноября в Кельне сделали пересадку на поезд, следующий в Париж.

14. *Каверин Вен.* Алексей Ремизов. Мара. Книга рассказов. Берлин. Эпоха. 1922. 148 стр. [Рец.] // Книга и революция. 1923. № 1. С. 53–54.
15. [*Лебедев В. И.*]. Смерть рептилии // *Голос России*. 1922. 29 марта. № 928.
16. *Лидин Вл.* Люди и встречи. Страницы полдня. М., 1980.
17. Литературная Россия: сб. современной русской прозы. М.: Новые вехи, 1924. Вып. 1.
18. *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.
19. *Пильняк Б. А.* Письма: в 2 т. / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. М., 2010.
20. *Поливанов К. М.* К истории «артели» писателей «Круг» // *De visu*. 1993. № 10. С. 5–15.
21. *Пришвин М. М.* Дневники, 1914–1917 / подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; коммент. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина. СПб., 2007.
22. *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2001. Т. 4: Плачужная канава.
23. *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 5: Взвихрённая Русь.
24. *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2002. Т. 7: Ахру.
25. *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буюрак.
26. *Россов В.* Два восприятия революции (Ал. Толстой и Ал. Ремизов) // *Голос России*. 1922. 12 марта. № 914.
27. *Сабашников М. В.* Записки. Письма. М., 2011.
28. *Толстая Е.* Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М., 2013.
29. *Толстая Е.* Человек меняет вехи: Алексей Толстой по пути из Парижа в Берлин // Шиповник: к 60-летию Романа Давыдовича Тименчика. М., 2005. С. 446–472.
30. Учитель или подмастерье?: семь писем Бориса Пильняка Алексею Ремизову / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Д. Кассек // *Новое литературное обозрение*. 2003. № 3 (61). С. 247–272.
31. *Федин К. А.* Из трех петроградских дневников 1920–1921 годов / публ. Н. К. Фединой и В. В. Перхина; коммент. В. В. Перхина // *Русская литература*. 1992. № 4. С. 164–181.
32. *Федин К.* Горький среди нас // *Федин К.* Собр. соч.: в 10 т. М., 1973. Т. 10.
33. *Шлегель К.* Русский Берлин: попытка похода // *Русский Берлин, 1920–1945: междунар. науч. конф. / науч. ред. Л. С. Флейшман, сост. М. А. Васильевой*. М., 2006. С. 16–17.
34. *Ф. [Философов Д. В.]*. Обезьяний язык // *За Свободу!* 1922. 1 окт. № 269.
35. *Флейшман Л.* Бегство в Эстонию: Ремизов и ревельское издательство «Библиофил» // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2016. № 4. S. 42–75.
36. *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин, 1921–1923: по материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском ин-те. Paris: YMCA-Press, [1983].

Архивные источники

ГАРФ. Ф. 577.

РО ИРЛИ. Ф. 256.

РО ИРЛИ. Ф. 291.

Государственный литературный музей. Ф. 156.

Amherst College Center for Russian Culture (USA), «Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers».